

СМЕНА

14

1948

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

«ВН/КУ» и «ПРАВНУК!» АКАДЕМИКА ЗЕЛИНСКОГО

Постановлением правительства академик Н. Д. Зелинский и его ученику профессору И. И. Гаврилову за многочисленные исследования в области жизни белки, результаты которых изложены в работе «Современное состояние вопроса о циклической природе связей аминокислот в молекуле белка», опубликованной в 1947 году, присуждена Сталинская премия первой степени.

Белок! Нельзя назвать другую проблему науки, так волнующую человечество.

Белок является основной составной частью протоплазмы клеток растений и животных. Чтобы управлять организмами, развивать их в нужном направлении и уметь как следует лечить их, надо хорошо знать составные белковые части организмов, т. е. «кирпичики», из которых они сложены.

Мудрейшим воспитателем научной смены в самых различных областях жизни академика Н. Д. Зелинский создал свою школу и для решения проблемы белка.

Благодаря блестящим исследованиям белка, производимым Н. Д. Зелинским в Московском университете есть теперь группа талантливых людей — и учебных заведениях и в самостоятельных научных институтах, воспитавших себя изучению этой основы всех биологических процессов.

Профессора, доценты, ассистенты, аспиранты, студенты вовлечены здесь в решение задачи, связанной с пониманием самой сущности жизни: И. И. Гаврилов, М. И. Плихан, А. В. Кофичев, М. И. Прокофьев, И. А. Поддубный, И. И. Акимова, Э. А. Руминцев. Сама юная эта группа исследователей белка, Э. А. Руминцев, студентка это курса химического факультета, комсомолец, совсем недавно закончила очень интересную работу — об продуктах конденсации аминокислот и их взаимодействии.

Задача, стоявшая перед Эой Руминцевой, исследователем продукты конденсации аминокислот, была очень трудной. Но у талантливой девушки, воспитанной своей жизнью исследованию «кирпичиков» белка, был отличный руководитель, но вопросу не на много старше ее, но имеющий большой опыт в решении кропотливых исследований элементов белка, — доктор Михаил Александрович Прокофьев.

Ученик академика Н. Д. Зелинского, И. А. Прокофьев, студентом-комсомольцем решил осмыслить свою задачу исследованию величайшей жизни, грани, отделяющей жизнь от смерти. Он великолепно овладел сложной техникой эксперимента, необходимой для работы в лаборатории белка. Его диссертационный труд «Синтез оксиаминокислот и их взаимодействие с порфирином» от молодого ученого получило высокую оценку специалистов.

Война оторвала М. А. Прокофьева от работы над исследованием. С 1941 по 1946 год он работал в явках Военно-Морского флота. Молодой ученый вернулся в родной университет, обогативший знаниями жизни.

Прекрасный общественник, он становится секретарем партийного комитета университета.

Аспиранту Лидию Николаевну Акимову, избравшую своей специальностью жизнь белки, ее друзья называют «метушкой» овладевшей наукой. Это только в год, но ее исключительная даровитость отмечена

уже давно. Лидия Акимова всегда борется за трудней, серьезней исследования, требующие особой точности эксперимента. Она умеет быть тактичной, умеет открывать перед ней, доверью скромного рабочего, неординарные таланты — величайшие приключениями в микроструктуру белков.

Let двенадцать назад американские журналы встретили ирландские университетские студенты, общающиеся разгадку тайны белка. Подробно, но весьма туманно описывалась специальная лаборатория, предоставленные американским ученым, сложнейшие аппараты, якобы необходимые для исследования. Можно было подумать, что через несколько дней, максимум неделю, в клубах американских лабораторий появится первое «гомукулум» — искусственное вещество — мечта алхимиков. Белок благополучно выдержал все эти ожесточенные атаки, которые не прибавили к нашим знаниям ничего нового.

Зато в нашей стране были достигнуты большие успехи в познании белка.

И. Д. Зелинский и В. С. Сидоров применили новые методы разложения белка при помощи слабых кислот, высокого давления и высокой температуры, доказав, таким образом распада белка, который открыл в нем нечто совершенно новое. Но исследования И. Д. Зелинского и В. С. Сидорова, по сути, показали, что молекулы белка образованы только очень длинными нитеобразными цепями. Работы академика Зелинского неопровержимо доказали, что структура белка гораздо сложнее; в нем, кроме «ниточек», создаваемых соединениями аминокислот, существуют — это еще и «узлы» аминокислот, связанные с «ниточками».

Много лет понадобилось, чтобы найти конечную точку нити, продвинуться вперед в познании нити жизни — «сказка». 1941 — 1947 годы принесла в науку в этот напар — и особые успехи. Профессор И. И. Гаврилов вместе со «внуками» академика Н. Д. Зелинского, своими учениками, после бесчисленных экспериментов открыл правдивый метод, давший возможность считать «кольца» в белке, вычислить, как связаны в нем «ниточка» и «кольца», представить в модели крошечные частицы, из которых складываются все «узлы» и «звенья» — молекула белка.

Исследования пригласили, стоявшие на пути к разгадке проблемы, советские ученые усиленно исследуют микромолекулы — элементарные частицы.

Для дальнейшего изучения микроструктуры белков из Белого А. тогда, имея в своем распоряжении эти «кирпичики», уже можно будет попытаться сложить их для искусственного получения белка.

Ученые с блестящими перспективами, стоящими в этой области перед молодыми учеными, Лидия Акимова ревностно занимается вопросами микроструктуры белков, в частности, ролью циклических аминокислотных группировок.

Ученики академика Н. Д. Зелинского по заданиям лабораторно-С. В. Орех в виз: аспиранты Н. Поддубный, научный работник М. Прокофьев, аспиранты Э. А. Руминцев, И. А. Акимова.

Фото Г. Ворисова

Предстоит сделать очень много, преодолеть массу трудностей. Но задача — это задача, которую можно смело рассчитывать на успех. И тогда «не быть белку» удастся «сделать» хоть небольшое, но «свое», новое, как унит Н. Д. Зелинский и «правнуки», «своих» — это будет 1950-е годы, которые молодой талантливый исследователь, Лидия Акимова, еще отдаст изучению белка.

Когда-то белок изучал только на живых, живыми методами исследования жизни. И вкраив, обдумывая достаточными познаниями в химии. Теперь, уметь как исследователю белка постепенно все расширяться и расширяться.

Несомненно усовершеншился и комплекс тех знаний, которыми должен обладать каждый химик, ведущий исследования белка. Для точнейшего наблюдения ученым приходится пользоваться такими методами, которые неоспоримую ценность кажутся просто фантастическими.

Различные мысленные эксперименты микромолекулы белка, строгие точные модели, выведенные с помощью методов, входящих в состав белков, — это Гаврилов и Гавриловым, нуждались в совершенных новых способах измерения деталей структуры.

Остроумная идея ученого, предложенная для этой цели, была реализована в точнейшем аппарате, ассистентом Лидой Александровной Поддубной. Именно, потому член партии, Нина Александровна прошла в университете путь от ассистента до профессора. Став на путь исследователя, она удивительно умеет сосредоточиваться, выделяет из массы информации конкретную нить, методически и кропотливо проводит экспериментальные измерения, исследованию, требующим порою такого напряжения, как человек может выдержать лишь тогда, когда он способен вдохновиться своим трудом.

Доконты М. И. Плихан, А. В. Кофичев, М. Гуткинцы и многие другие научные работники химического факультета содействовали и содействуют блестящим успехам нашей науки, стремясь к разгадке последних тайн белка. Этих тайн становится все меньше, и все же остается много неизученного в грандиозных перспективах, которые ставит перед нами «эпопея» «строн» белки по науку.

Проблема белка имеет не только научное значение, но и политическое для науки. Роль белков и белковидных веществ — значительна. Миско, коллоид, шерсть, шик, многие виды тканей — это белки. Из них волокна образуются из белковых веществ. Белки играют решающую роль в питании человека и человека. Связные соединения белков являются основой многих иррегулярности в функциях организма. При этом «белки» — это белки, аминокислотного состава. Какие белки включены в состав, было много, отсутствие определенных аминокислот заменить ничем нельзя. Поэтому стоит задача изучения состава и качества белкового питания.

Не всегда человеком будет требоваться столько разнообразного миром продукты питания, сколько, питаясь и не безумствуя, научиться получать их в своем лабораторном, в природе. Через белки, как замечательнейшие достижения человеческого разума, наука «внуки» и «правнуки» академика Н. Д. Зелинского.

На колхозных полях созревает обильный урожай. Агроном М. Павлова и тракторист А. Догони проверяют зрелость ржи (колхоз имени Мичурина, Московской области).
Фото Г. Борисова

СМЕНА

Литературно-художественный и общественно-политический журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ. Июль. № 14. 1948 год.

Год
издания
25-й

Подруги. Справа налево: зеньяева Шура Степанова, руководитель хореографического кружка Лида Брицко и член молодёжничко-комсомольского звена Маруся Трунина.

УТРО ЗЕМЛИ

Василий РЯХОВСКИЙ

В 1933 году в тамбовские края заехали зарубежные гости: известный английский писатель Бернард Шоу и пронырливая дама, игравшая в те времена «под демократку», пресловутая леди Астор. Великий сатирик, давно разуверившийся в хваленых «благах» «старой, доброй Англии», хотел воочию увидеть неведомый ему мир социализма, увидеть, с какими трудностями и с какими творческими подвигами советские люди создадут свою новую жизнь. Он внимательно присматривался к колхозникам и к их руководителям, подолгу беседовал с колхозной детворой в школе, на детлащодачках. Не зная русского языка, он читал по детским лицам, по их живым взглядам удивительную для него историю о счастье и неомрачённой радости людей.

С того времени прошло четырнадцать лет. И если бы вновь Бернард Шоу приехал в нашу страну, он не узнал бы сейчас ни колхоза, ни тех, кого он видел четырнадцать лет тому назад. Многие из тех, кого встречал Шоу, побывав в больших городах, получали дипломы об окончании институтов и специальных школ, стали педагогами, агрономами, зоотехниками и вновь вернулись в родной колхоз. Другие, закончив колхозную семилетку, встав рядом со своими родителями в колхозческих звеньях, на колхозных фермах.

За эти годы колхоз имени Ленина построил несколько трёхэтажных домов под жильё колхозников, деревообделочный завод, новые скотные дворы, гидроэлектростанцию на реке Ире. Колхоз имеет свою больницу с родильным отделением, радиозет на четыреста точек, звуковое кино, театр. Когда смотришь с высоты на разбрызгивающуюся панораму колхозной усадьбы, то создаётся впечатление, будто перед тобой зарождающийся город: так обширен этот строй многококонных домов, хозяйственных построек, с двух сторон замкнутый парком из старых лип и ослом на площади в шестьдесят два гектара.

...Мы прибыли в колхоз имени Ленина весной. Стояли яркие, солнечные дни. Спада широкий разлив Ворони и Иры. Над полями по утрам росла туманная дымка. В колхозе завершили последнюю проверку тракторов и прицепных орудий. Не сегодня-завтра бригады и звенья должны были тронуться в поле, на выхоту, на

подбормку озимых посевов пшеницы. Всё было готово к началу новой битвы за урожай, за осуществление тех обязательств, которые дали британцы и зеньяевые стране и великому Сталину.

В эти напряжённые дни в колхозе состоялся торжественный акт вручения колхозникам орденов за труд прошлого года. Семьдесят шесть передовиков сельского хозяйства получили высокие награды, и из них добрая половина — представители молодого поколения колхозников.

Комсомолец Пётр Мосалков — лучший конюх колхоза имени Ленина.

Зина Селиванова, Варя Давыдова, Шура Степанова — эти девушки за военные и послевоенные годы превратились из рядовых работниц звеньев в руководящих, в поданных мастеров высокого урожая.

25 центнеров пшеницы с гектара не так просто получить там, где истары установили «предела» в 50—60 пудов. Каким же надо обладать упорством, какой верой в науку, чтобы выдохнуться среди остальных звеньев и бригад, которые дали в прошлом году средний урожай пшеницы и ржи в 22 центнера с каждого гектара!

И эти молодые женщины, получая награду, прожесточили свои короткие обязательства: «Обещая партии, правительству и лично товарищу Сталину вырастить в этом году 25 центнеров пшеницы, тридцать центнеров ржи и проса!»

И все присутствовавшие в зале знали, что это не только обещания, — это обязательства, клятвы, от которых никто не отступит.

Праздник затнулся далеко за полночь... После торжественной части молодёжь колхоза имени Ленина показала, как она умеет веселиться.

Самодельный театр колхоза существует уже более двадцати лет. Его спектакли в Воронеже, в Тамбове всегда являлись большим событием в культурной жизни области. Островский и Горький, Гоголь и Чехов давно стали учителями и альбимами друзей колхозных актёров и зрителей. Для репетиций молодые артисты «крадут» у самих себя дорогие часы ночного отдыха. Уставшие, члены не успевают стряхнуть с себя полудневную запачканную маслом и копотью, они встречаются утром на подмостках и приносят со сцены паравалышки в поак, на свой участок, чтобы продолжить дело, не законченное вчера.

Нужды нет, что декорации на сцене шиты, что трим артистов несовершенен и костюмы зачастую бедны, — важно кино, важно, что со сцены звучат настоящие, проникновенные слова великих драматургов, важно, что они доходят до зрителя и волютуют его настоящим, высоким волнением большого искусства.

После театрального представления началась музыкальная часть. Вот сверкнула медью трубы духового оркестра. Кроме старичка-дирижера и двух женщин, за пюпитрами юности, почти подростки

Сколько бодрости, зинтинного вдохновения слышится в знакомых всем песнях советских композиторов, в песнях, которые сопутствуют этим юношам в труде, в повседневности!

А когда раздвинулся занавес и перед зрителем явилось представление живописный, красочный своими костюмами хор народной песни, лица зрителей расцветали улыбками. Хор, недавно возвратившийся из Москвы, со Всесоюзного съезда художественной самодеятельности, является предметом гордости колхоза.

«Песня «Слава великому Сталину!» — объявила руководительница хора Татьяна Яковлевна Мануй.

Молодой баянист Сергей, ещё не славивший своей фронтовой гимнастёрки, развёл тёмные меха баяна — и грянула широкая, торжественная песня.

Костюм хора — поземле колхозницы и колхозники, сохранившие в памяти своей старинные русские песни. Но истинным украшением хора является его молодая часть — девушки-комсомолки, юности, вернувшиеся с фронтов войны. Молодёжь обогатила репертуар хора современными песнями, её свежие, сильные голоса придают песням неугасимую бодрость, ту светлую улыбку, от которой расцветают в сердце радость и вера в свои силы.

«Привет Москве», «Ой, доля-раздолия», шуточная «Козёл» с характерным припевом следовала одна за другой, а слушатели требовали всё новых и новых песен... Баяниста поначалу Гаю-го в центре деревни слышится звонкая девичья песня. Мы сидим в небольшой комнате председателя колхоза Павла Николаевича Фокина и разговариваем о делах и планах колхоза. Павел Николаевич, газда эсь, говорит саму себе, в колхозе его спокойствие немного устало, но внутренне уверенно — в своих словах человека.

— Мы хотимступить в борьбу с природой, — сказал Павел Николаевич, — мы создадим у себя поливное хозяйство, помпим воду из Вороны и Иры на свои поля. Электромоторы у нас хватит, капитал мы проложим своими силами. А когда по нашим полям потечёт вода, тогда для нас не страшна никакая засуха. Коллективное хозяйство — это утро земли: светлое, радостное. Многие ещё ждёт нас впереди...

Улыбнувшись, Павел Николаевич добавил:

— По смете мы должны израсходовать на ирригационную систему два с половиной миллиона рублей. Средства у нас хватит, и рабочая сила найдётся. Мы уже в этом году оросим свои сады, огороды и двести гектаров посевных площадей. И вот теперь настёт время, когда мечтания наши и наших комсомольцев должны превратиться в дело. Ох, здорово придётся нам поработать!

Нашу беседу прервали: в комнату вошла группа молодёжи. Это была звёздная порой бригады Петра Васильевича Пшибки, закончившие занятия в хате-лаборатории. У некоторых из них сверкали новые комсомольские значки.

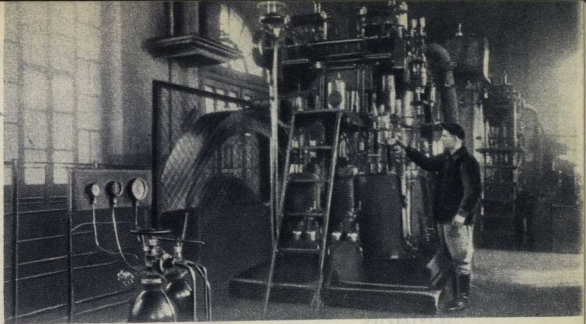
— Проверили кое-что, — ответила на вопросительный взгляд Фокина высокая и тонкокостный Пётр Васильевич. — А то, когда выйдём на поле, и поговорить некогда будет...

— Ну, правильно.

Звеньевые обступили Павла Николаевича, начали неспешный разговор об удобрениях, о почве, которая является проблемой, о тех маленьких нуждах и неполадках, которые всегда сопутствуют большому делу и часто определяют его успех.

На фото (сверху вниз): машинное отделение электростанции колхоза имени Ленина; комсомольско-молодёжное звено З. Селивановой изучает агротехнику; Лида Бричко проводит занятия танцевального кружка.

Фото А. Шагина

СТИХИ ЕВГЕНИЯ ВИНОКУРОВА

СКАТКА

Вы умеете скручивать плотные скатки!
Почему? Это ж труд пустяковый!
Закатайте шинель, придайте складки
И согните, вот так, подковой.

Завяжите концы, подоговани по русту.
Всё.

Осталось теперь нарядиться.
Это так интересно, и просто, и просто.
Это вам ещё пригодится!

ЗЕМЛЯК

Со мной в одной роте служил земляк,
Москвич. Славный парень, Лёшка,
С одного котелка мы с ним ели так:
Он ложку, я ложку.

Вади! от Москвы, по чужой стороне
В строю мы с ним рядом шагали.
Мы спали бок о бок и ночью во сне
Друг друга локтями толкали.

А в перерыве меж боёв и атак
На привале ко мне он подлаживал,
И мы вспоминали Москву с ним так:
Я расскажу, он расскажет.

В костре на ветру угольки догорят,
Шушит по-немецки кустарник,
А мы вспоминаем соседских ребят
И кинотеатр «Ударник».

Он был под Берлином в бою штыковым
Убит. Мы расстались. Навек.

Он жия на Арбате, в большом углом,
В сером доме,
что против аптеки.

СОН

В час, когда отрохотел прогулка вечерняя
И торжественно сменится старый наряд,
Часовым заступающим

для развлечения
Над казарные светлые звезды горят.

Часовые и звёзды — всё ясно и правильно,
И казарма, вздымаемая полней и трудней,
В сон уходит, как будто бы в дальнее,
плавень,

Всёю мощью широнке солдатских грудей.

Сапоги у кроватей стоят, как положено,
На одежде свернулись клубками ремни.
Тяжизна в гарнизоне, и осторожно
Мхи деревьяе дрожат караулк огни.

Трут дивальные пол, приседаа на корточки,
И, как в детстве, щекою в ладонь, до утра
Смотрят сны ездовые, стрелки и наводчики,
Половые сапожники и шофера.

ОБЕД

Снял пробу врач и командир полка.
Бушуют щи,

гремит банчок железно,
И затекал уластая рука
Вспотевшего до нитки леботореаз.

Дыханьем кухни зимний день согрет,
Ваметьнуса крики: «Готовься на обед!»

Когда приходит в литературу молодой
поэт, мы ждём от него нового: он дол-
жен подметить в нашей жизни и в на-
ших сердцах нечто, до него не открыто,
и сказать об этом так, как до него никто
не говорил. Если он будет писать о том,
о чём уже написано много книг, и писать
так, как писали до него сотни других
поэтов, то вряд ли его стихи когда-нибудь
образуют. У нас немало умных поэра-
жителей, которые умеют в рифмованных
строчках излагать чужие стихи (или прозу),
которые пишут правильно, но без-
душно, не говорят, а воспроизводят чу-
жую речь. От них выгодно отличается
Е. Винокуров: он говорит только о том,
что сам пережил, и говорит своим голо-
сом. Он умеет перебрать повседневную
жизнь солдатки, и его стихи о боевой
дружбе («Земляк») дойдут до сердца
каждого, знакомого с войной не только
по рассказам. Мне нравятся неумолимый,
своеобразный стих Е. Винокурова, его
сплохованный ритм, близкий нашей
эпике; нравятся мне и тонкая наблюда-
тельность молодого поэта («Видишь бе-
рёзы, что в будущем, вой уже в прошлом
матчицкая цирюль («Пейзаж») и его ро-
манс «Мальчишки»).
Е. Винокуров предосте ещё много ис-
пытаний — труден и сложен путь художе-
ника, но его первые шаги внушают мне
надежду: кажется, стало одним поэтом
больше.

Илья ЭРЕНБУРГ.

ГОРОД

Бумаг накопилось много.
Не видно конца работе.

Штабные пятые сутки над дамной
не смыкают глаз...

А утром, едва рассветаю, третьей
стрелковой роте

Идти в наступление был отдан
немногочисленный приказ.

О городе с острыми крышами во рву
толковали солдаты,

Сержант письмо дочитывал, разматывая
кабелъ связист.

И вот над скоманнанным лесом и над
маленьким полем измятым

Взлетел, постоял и спустился тревожным
и вавастный свист.

И все переглянулись, и каждый подумал:
«Начало!»

Комбат осторожным движением снял
бинюль с груди,

И артиллерия наотмашь кулаками заступала.
Чтобы двери открыли в том городе, которого

крыши видны впереди.
И рота пошла на приступ, тесно, шинель
к шинели.

«Ура» расправило груди, «ура» рэздирило
рот.

И вот он какой, этот город, чьи крыши
вади желтели!

Полроты пало в предместьи.
Полроты прошло вперед.

Земля засорилась небом. Чкавятот минюмет.
Воздух разорван в ключа.

Рухаста этажи.
Так вот он какой, этот город!

Четверть осталась от роты.
Тот сержант, что письмо дочитывал.

На осколках стекла лезет.
Дым оседает. Каша варится в третьей роте.

«Так вот он какой, этот город»
Теперь разобрал, дружок!

Светится тускло лампа. Не видно конца
работе.

Штабной, переписана усталость,
на миллиметр передвинул флажок.

ПЕЙЗАЖ

(Из поезде)

Мир разделяется в две стороны:
С луною и без луны.

Тонкие рельсы настроены
Строем гитарной струны.

По ветру воет чудиком
Поезд.

В окно взгляни:
Видишь, берёзы, что в будущем,
Вон уже в прошлом они.

Окна закрою, холодом
И лесом вагон проветрив.

Десять минут до города,
До полночь пять километров.

В КАРПАТАХ

Дорогой спиральной и узкой,
О гравий корабая шини,
В небо с тяжёлой нагрузкой
Винчицалась машина.

Кружжа на поесе билась,
Пилота сползала косо.

Облаков сероватую сырость
Переключивали колёса.

И... аниа!

Только ветры завели,
И снова равнина и хаты...

Из кружжи на землю а вылил
Мутного неба остатки.

6 см

Дружбу
использу
использу

2017

Растут наравне светских флотоводцев. Капитан 1-го ранга В. Ф. Шингаренко | Длинноград-
ской Иблимовское училище) обучает слушателей оснащение парусника.

ИЗ РАССКАЗОВ, ПОСТУПИВШИХ НА КОНКУРС

Зволома

Рисунок А. ШУЛЬЦА

Возле огромной дымовой трубы кирпичного завода на поломанных козлах сидел и курил козью ножку пожилой приземистый человек в кожаном плаще, в сером комбинезоне и обычной безрукавке, подвязанной бременным верхолазным поясом с кольцом. Было яркое утро. Дух упругий, но хлбный ветер. По нему падали редкие белые облачка... И хотя пятидесятиметровая труба тянулась далеко ввысь голубого неба, они казались на недосыгаемой высоте и плали мимо, оставаясь внизу и трубу, и завод, и сверкающую речку.

Старый верхолаз Василий Иванович Середа вышел утром на работу с мыслью по-прежнему управиться с монтажом громоотвода, который нужно было установить на заводской трубе. Он решил после выполнения работы и получения заработка выехать вечером к себе домой, в Красный Луч, где его ждала семья.

Верхолаз вышел на работу со своей «бригадой», состоящей из двух подростков, недавно окончивших ФЗО — доверен и флегматичного Митьки и шутовым вертелым Колькой, своим племянником.

С самого детства полюбил Василий Иванович свой верхолазное ремесло. Еще до революции двенадцатилетним мальчишкой взял его с собой на работу дядя Никита, кровельщик и маляр, ходивший по станциям и сбав ремонтировать церковные крыши. Это была не шутка — разгуживать по крышам кресты или вбираться на шпиль колокольни. Стая деревенских ребятшек собиралась вокруг церкви смотреть, как дядя Никита водружал крест, а он, Василий, как звал его дядя, сидел на крыше высокой колокольни и подкидывал дяде по веревке материалы. Он воображал себя взрослым и смеялся, как дядя Никита, и пререзательно поглядывал на робитшек.

Дядя Никита в гражданскую войну скончался от тифа, а Василий перекалчился на верхолазную работу по монтажу фабрично-заводских труб и разных сооружений на большой высоте. Он изобрел свою собственную технику безопасности, багарады, которой верхолаз никогда не может сорваться с высоты и разбиться. Он придумал себе и одежду, и снасти, и инструмент, наиболее удобные для работы на высоте, и это — полой мере можно было бы назвать новаторского своего дела. Один только устаревший навык остался у него от прошлого: перед поднятием на высоту он всегда принимал стакан воды. Так делал дядя Никита, так делал и он, и не потому, что он боялся высоты, а так уж он привык, чтобы, как он говорил, «кровь у него играла во время работы».

Василий Иванович стал известен по всему Донбассу. Впрочем, он не любил уезжать от родных мест и предпочитал работать в пределах своей родной Ворошиловградщины. Сегодня у Василия Ивановича тяжелый день: он не смог взять высоты. Возбравшись по трубе метров на пятнадцать, он вдруг ощутил такую острую боль в ласче, что не мог поднять правой руки. Это охватила область, и даже, чего с ним никогда не случалось, он почувствовала легкое головокружение. Ничего не сказав своей «бригаде», Василий Иванович спустился обратно, отпустил ребят купаться, а сам перекрутил, в надежде, что всё это пройдет и он поднимется на трубу и закончит работу. А кончат её надо было се-

годня во что бы то ни стало. Завтра приезжает правительственная комиссия принимать завод, и громоотвод должен быть смонтирован. Василий Иванович дал слово начальнику строительства работу выполнить, а мог бы он, погнавший всеми мастера, изменить своему слову? Да хотелось и домой скорее попасть, он уже три месяца не был дома.

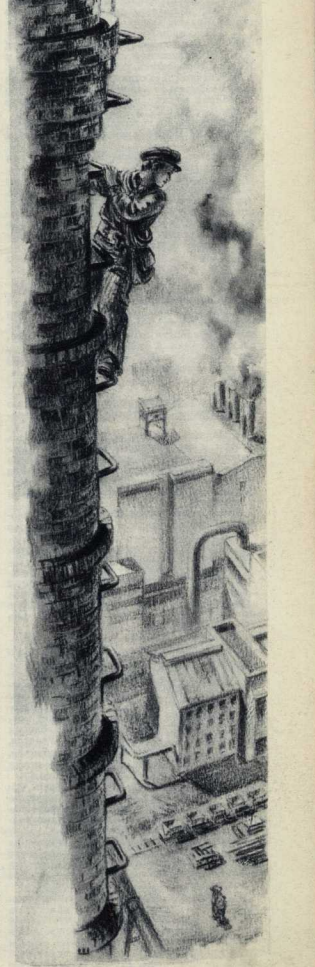
Боль в ласче не проходила, рука плохо поднималась, и Василий Иванович завылмался. Он был удручен тем, что сегодня, первый раз в жизни, не взял высоты... Что же это значило? Неужели он стал стар? Ведь ему только пятьдесят лет! И хотя виски его поседели, но усы были ещё черны... Несмотря на всеобщую моду, он никогда не брил усов. Вороду он брил, считая, что при его профессии борода мешает приваить: можно при влезании на высоту как прирророзить с металлу. И неужели старость помешает ему заниматься любимым ремеслом?.. Вспомнил он, как ему довелось побывать в Москве, куда он был командирован на ремонт кремлевских башен. Он пошел в бригаду по реставрации Никольской башни. Радостно было ему обозреть мурaveйник города: маленькие коробочки автобусов и троллейбусов, как букашки, ползущие беззвучно по улицам, разноцветных фигурок, перебегающих улицы на перекрестках, закатные бапки на Василии Баженном, уходящее вдале Замоскворецкий вокзалес Красное здание Верховного Совета. Ему отродно было чувствовать и обозреть вечный город, ощущать седые камни древнего Кремля.

Услышет дымок пилпрсом, павнут облака, и Василий Иванович казался, что он вместе с трубой, и заводом, и сверкающей речкой плывет в неведомую даль... И годы плавнут... И жизнь проходит. Так неужели бессознательно проладет каколонный им навык в высоком верхолазном мастерстве?

Пока Василий Иванович курил и думал, а «бригада» времени не терпела. У обрыва над речкой стоял, свесившись над водой, огромный ваз с обгоралыми сучьями.

Колька, юркий, как обезьяна, забирался на дерево. Держал за ветки, он, словно по канату, скользил по суку и с головкружительной высоты прыгал в воду, брызгался, подплавывая к берегу, снова карабкался на дерево и прыгал в воду. Дологовный Митька не смог за ним утнаться и совершал свои степенные прыжки со «второго этажа», как называли ребята первый ряд сучьев на дереве. А Колька уже добирался до самого «верхнего этажа».

Василий Иванович усмался смех и визг ребят и невольно загляделся на отчаянные прыжки своего племянника. Сильным взглядом верхолаза он оценил искусство Кольки и вспомнил, как и сам он любил в детстве прыгать в воду, но таких виртуозных и смелых прыжков и он, пожалуй, не делал. Значит, в Кольке есть что-то знакомое ему чувство бесстрашия и любви к высоте. Значит, Колька может быть хорошим верхолазом. И Василий Иванович тут же решил послать Кольку на трубу, чтобы закончит сегодня работу. Он докурил пилпрсом, поднялся и крикнул густым басом: «Эй! Бригада! По местам!» «Есть по местам!» — отозвался Колька, и ребята миглом победили в Васьледе Ивановиче. Он строго вглянул в оживившиеся черты ребят, и они почувствовали, что-то неладное.

— Вот что, ребята! — сказала Василия Иванович. — Я сегодня не могу лезть наверх заболела, а работу надо сдать иначе. Надо кому-нибудь из вас лезть наверх. Пора привыкать... С моей «техникой безопасности» это не страшно.

Митяка растерянно задрал голову на трубу.

— Возле не совладай и Василия Иванович, — робко произнес он.

— Дай, я покажу, дядя Вася — горчико сказал Коляка.

— А возмётся?

— У меня голова никогда не кружится! Я же с парашютой вышка прыгал! — и Коляка, сорвавшись, побежала к трубе.

Весь воздух «техники безопасности» он начал взбираться наверх по скобам, быстро перебирая руками и ногами, как по лестнице.

— Бстановись, пострел! — испуганно закричал Василий Иванович, подбегая к трубе.

А Коляка лез выше и, подраивавшая дядю, прыгала ногой.

Глядя на эту проделку своего племянника, Василий Иванович пришёл к выводу, что так вести себя на высоте может не всякий и что у Коляки, действительно, сказывается способность и любовь к высоте. «Да на этих вышках, видимо, парень натаскался», — подумала Василия Иванович.

— Дядю! — сказал он Коляке. — Я вижу, что ты сможешь взять высоту! Разреши тебе лезть наверх.

— Вот здорово! — воскликнула Коляка.

— Давай снаряжение! — сказала Василия Иванович и начала одевать Коляку, читая ему свои наставления: — С моей техникой безопасности можешь чувствовать себя, как в саду. А скажи что будет неадекватно, вот этим крючком цепляйся за кольцо пояса — и всё в порядке!

Коляка безмолвно одевался, поспеив прищипываясь в руках Василия Ивановича.

— Первым делом — не гляди вниз, смотри в стену трубы и думай, что ты лезешь по твёрдой скале и тебе нужно скорее на неё возвратиться. Знай, что труба наверху немного раскачалась от ветра, но упасть она не может, так техникой рассчитано...

— Пришлось обернуть Коляку живот полотенцем: он был тонок, а верховальный пояс широкий.

— Ну, пошёл! — сказала Василия Иванович, удрав Коляку по плечу.

Коляка надев на руку петлю от знаменитой техники безопасности дяди Васи и пошёл по скобам вверх. На этот раз он шёл серьёзно и степенно, заметно подражая в приёмах дяде Васе. До половины Коляка лез без передышки.

— Маает правильно берёт высоту, — сказал Василия Иванович, хотя в душе он всё ещё боялся, что Коляка не одолеет.

Приближался тот предел, который многих и многих новичков возвращает на землю. И так оно и бывает: либо человек перейдёт эту черту, и тогда из него выйдет хороший вершалец, либо не сможет преодолеть её и спускается вниз, — надъянные верхолазов из таких уже не получаются.

На половине трубы Коляка остановился.

— Правильно, надо передохнуть! — вслух думал Василия Иванович, глядя вверх.

Коляка пошёл дальше по своим делам. И Василия Иванович, обогневшись воздуха: по его мнению, Коляка перешёл роковую черту и поднимался выше, значит, из Коляки получится тоак.

До половины трубы Коляка чувствовала себя прекрасно, впервые лучше, чем в других случаях, когда ему приходилось лезть по водосточной трубе на крышу трёхэтажной школы.

Эти рываные, нескрепанные жалоба очень ненадежны, зато и глядя обманчива, когда за них ухватываешься, а тут такие прочные и чёткие скобы, и расположенны они так ровно одна от другой, что ноги и руки привыкают и сами попадают на них. Но, взбираясь выше, Коляка начинала чув-

ствовать тревогу: сильное стал дуть ветер, он упрямно бил в правое ухо, и всё казалось, что она завалила трубу, которая была такой тонкой перед паразар развирнувшегося пространства. Удаляясь от земли, Коляка погружался в тишину: звуки замирали внизу, и это отдавало его от родной земли, от родных людей, а дядя Васи и Митяка сверху было бы спускутся вниз, — подумала Коляка, — да стидно. И разве он боится?.. Нет, нет, он не боится!... Коляка упрямно переставала ноги и перекачивая руками по скобам. Вот из коронки трубы, в голове пробуждается высунувший повок коронки... Теперь только перелезть через эту повок — и он, Коляка, наверху...

Зная, как неприятно висеть над землёй, когда перебираться через коры на крайнюю точку, что выстуи коронки ему нужно перелезть не поверх скобы, а внизу её. Он тонкий и пролезть сможет. Обрадовавшись этой дотдаке, он встал обеими ногами на последнюю ступень и подтянул скобу, тесно прижмившись к стенке трубы.

И тут он сделал промахну. Очутившись головой выше среза трубы, Коляка, пытаясь высободить понае, зацепившийся за скобу, отпрянул на левую сторону и за несколько мим развралась бездна и потянула его вниз... Сердце его сжалось, колени задрожали, он ослабео. Но мгновенно в спомини технику безопасности дяди Васи и надае крючок на кольцо пояса. И сразу по телу разлилось тёплое успокоение, как будто его поддержали верные руки самого дяди Васи.

Коляка схватилась рукой за развалку громовода и потянулась наверх. В середине зима, в янврий пропасть дымохода, из которого неприятно дул пахнувший сыростью ветер. Но на стене трубы было не страшно, сердце замрало только при взгляде вниз.

Коляка укрепила себя ремнями, как учил дядя Васи по своей технике безопасности, и действительно, почувствовала себя, как в саду... готовых прыгнуться стремглав с крутой горы.

Коляка быстро потянула на толком трое ступень громовода, автала её в развилку, закрепила боатами, опрала трос и крикнула:

— Готово!

— Дивий на земле! — радостно крикнула Василия Иванович, отпуская предохранительный трос.

— Есть на земле! — заорал Коляка и проунулся в скобу.

Ему захотелось поперзить и испытать себя, и он остановился ещё раз в том положении, как при влезании, когда у него затряслись колени. А теперь он с замранием сердца, но с радостью побоебателя смотрел по сторонам и во всё горло завел.

Если бы с такой лёгкостью преодолела высоту кто-либо другой, даже из опытных верхолазов, Василия Иванович был бы озадачен.

Но, наблюдая работу Коляки и сейчас глядя на его спускающуюся фигуру, Василия Иванович почувствовала огромное удивление: да, Коляка пойдёт в него, а пожалуй, ещё и превзойдёт его. Он успокоился, и охватившая його его тревога за гибель его богатого навыка отлегла от сердца: у него есть смева.

Он стрёб в охапку спущившегося Коляку и, обнимая, приговаривал:

— Орёл Колячкёк! Молодец! Это понашнее!

Коляка вырвалась из его обятий, устало опустилась на землю и лёг навзничь... Над ним простиралась бесконечная голубая небо, высоко палало одиноко облачко, словно спеша догнать своих ушедших собратьев.

А верхушка трубы, из которой только что была Коляка, мигчала в небе: Коляка-растоптаившаяся к твёрдой земле и глядя на неё руками.

Вечером поезд увозил Василия Ивановича и Коляку домой, в Красный-Луч; где их ждала родные.

Воронинград,
УССР.

ДВА СТИХОТВОРЕНИЯ

Мерцает сталь, и камется, станок
Покрыт не просто краской, а эмалью.
И вот впервые в жизни паренёк,
Включив рубильник, замер над деталью —
И стружка завивается спиралью.
Болванка вверху терлет всякий вас,
Она насильно прогнана лучами.
Она летит резцу наперез...
И детство остаётся за плечами.
Откуда знать:
Быть может, из неё
Парнишка счастье выточит своё!..

***

На пачке пилы. Запачканы ладони.
И почему, не знаю, не снимаю,
Я лубошито, пристально, влюблённо
Так за работой лещаляшка слежу.
Питурой дойдёт и ляжет на между —
Гру, за которой контурина зорка
И с точностью до одного микрона
Всё будет так, как есть по чертежу.
Идёт работа быстро, без помех,
И вижу я, как солнце входит в щель.
Оно вилось в него не просто так.
А чтоб на эти грани подвизаться.
Оно в детали, как в зеркало, глядится,
Обнаются лучами на верстаке.

Ижевск.

Игнатий РОЖДЕСТВЕНСКИЙ

ЕНИСЕЙСКОЕ МОРЕ

Будет море великое создано нами,
Где в горах Енисей простречан Ангару,
Синик валов беспокойное чистое пламя
Зашумит, забушует на свежем ветру.
Станет море хребты штурмовать

постоянно,
Засияют огнём его берега,
И пойдут по нему корабли с океана,
И отступит под натиском моря тайга.

А пока молотком делаются геолог
От прибрежной скалы отбивает перфидр
И топограф шнелет по чащам средь

ялок,
Как оружие, наг на плечах нивеллер.
А пока неманьтиной струей мониторы
Моют камни, добывают лопатой

нады,
И от взрывов глухих сотрясаются горы,
И за недором на просеку падает кедр.

Задуманное песною дизельом ветря,
Зерелос направляет а палатке штега,
Где склонился над картой градостроитель

моря
Молодой инженер, уроченец тайги.

УСНИНСКИЙ ТРАКТ

Усинский тракт. Скалистые громады,
И воздух родниковой чистоты.
Одевая каменные гряды,

С какой-то неугадной чертой
Автомобиль становится крылатым,
Могучий корпус накрена сляпка,
Навстречу гулям, громовым раскатам.
Он не идёт — летит за облака.

Его в горах ошумевшая летучка
Сквозь набиты в ледовый завес,
Наренно; консиценция летучка
Мы из долины каемтея тебе;
Но этих крыльев не было б в помине,
Что могут нас над кручей пронести,
Когда б не ты, живущая в долине,
Строительница горного пути.

Красноярск.

Харьковский государственный университет имени А. М. Горького

НА ВЕРНОМ ПУТИ

А. ПРИСС

Э то был, бесспорно, большой успех. Из всех вузов Харькова на общегородскую научную студенческую конференцию было отобрано 138 работ, и 50 на них — почти одна треть! — принадлежат студентам Харьковского университета. Университет получил чуть ли не половину всех премий, присужденных за лучшие работы.

Студенческое научное общество существовало и до войны. Тогда в университете насчитывалось 75 научных кружков, но это были совсем другие кружки, другие общества.

Раньше подавляющее большинство студенческих работ носило характер рефератов, обзоров. Не то теперь. Чуть ли не каждая тема — самостоятельная научно-исследовательская работа, пусть небольшая, но полезная и ценная, требующая от студента большого, кропотливого труда, творческого горения, глубоких знаний.

Идет заседание студенческого научного кружка физической химии. Вызвешены у входа в химический корпус и на дверях аудитории объявления гласят, что сегодня будет заслушан доклад студента химического факультета Владимира Кремера «Флуоресцентный анализ».

Большая химическая аудитория затихла. Вместо 15 членов кружка в ней находится сейчас более 70 человек. На столе — химическая аппаратура. В центре, среди других приборов, — флуоресцентная лампа. С помощью этого прибора человек получил возможность проникать в незведомые уголки мира.

На кафедру поднимается коронный ионона в роговых очках. Аудитория затихает. Доклад начался.

Флуоресцентный анализ основан на свечении многих веществ при облучении их ультрафиолетовыми лучами. Этот метод открывает совершенно небывалые возможности качественного химического анализа. С помощью флуоресцентной лампы можно по куску породы, ватой с поверхности земли, определить наличие нефти на глубине нескольких километров или указать с точностью до одной стомиллионной доли грамма количество озона в стратосфере на высоте 10 километров.

Владимир Кремер демонстрирует свойства лампы. Он подносит к куску породы, из которой выключается узкий световой луч, одну за другой комбинации с бесцветной жидкостью. В каждой

из них имеется интужно малое количество поглощенного вещества, настолько незначительное, что присутствие его нельзя обнаружить почти никаким из известных методов анализа. Но флуоресцентная лампа обнаруживает немедленно. Когда под влиянием ультрафиолетовых лучей начинают светиться, бесцветная жидкость тутчас окрашивается то в желтый, то в красный, то в бледно-голубой цвета. Аудитория с напряженным вниманием вслушивается в каждое слово докладчика, с живейшим интересом следит за каждым его опытом.

Флуоресценция широко применяется в исследовательской работе и в некоторых отраслях промышленности. Но явление это еще не достаточно изучено.

Владимир Кремер, глубоко усвоив основные закономерности флуоресценции, изучил свойства ряда новых флуоресцентных индикаторов, введе до сих пор в литературу не описанных. Но почему на доклад пришли не только члены кружка, но и студенты других кружков, преподаватели университета и других вузов.

Этой темой Владимир Кремер занялся не случайно. Флуоресценция в университетский юности его вохитил. Но она изучается кафедрой химического анализа, и кафедра принадлежала к этой работе членов кружка физической химии.

Владимиру Кремеру было поручено изучение свойств флуоресцентных индикаторов. Три года трудился он над своей темой. Ему помогал в этом руководитель кружка аспирант С. М. Петров.

Там же, на химическом факультете, имеется новый прибор — визуальный полярограф, предназначенный для точнейших методов химического анализа. Прибор такой чувствительности — уникальный. Конструировал его по указанию кафедры член студенческого научного общества студент 5-го курса Павел Козаренко.

Таких примеров можно привести десятки. Студенты-историки Ю. Кондофур и В. Шилло до двух лет работают над изучением истории бальневенской организации в Харькове. В. Шранко сделал интересный доклад по древней Салтовской культуре. С. Тригубов впервые дал геоморфологическое описание Трусовского ущелья на Кавказе и т. д.

Самостоятельная исследовательская работа студента укрепляет в нем веру в свои силы,

учит его критически подходить к явлениям природы, к людям, к исследованиям, проводимым даже известными учеными. На химическом отделении общества произошел следующий случай. Кафедра занялась изучением систематического анализа анионов.

Одним из наиболее распространенных пособий в этой области класси считается до сего времени книга американского ученого Доббинса «Полумикроанализ». В ней содержалось описание новой схемы анализа анионов.

И вот кафедра качественного анализа поручает трем девушкам, студенткам 3-го курса Т. Сиренко, В. Грановской и И. Рукавокой, провести тщательную проверку схемы Доббинса.

Поручение не совсем обычное. Но это не смущало девушек, и они сами принялись за дело. Им удалось обнаружить в схеме Доббинса ряд принципиальных ошибок.

Этим студентки не ограничились. Они внесли существенные исправления в схему и предложили методный анализ, обосновав его теоретически и экспериментально. Мало того: они заменили сложные органические реактивы, предложенные Доббинсом, более простыми неорганическими веществами. Так советские студентки исправили западный авторитет!

В традициях научного общества университета — не искать легких путей, не идти поперечными дорогами. Пусть будет трудно, тяжело, но известно ведь, что в науку ведут только крутые тропки! Каждый стремится внести в свой собственный вклад, даже что-то свое, новое. И это благородное стремление всячески поддерживают и развивают кафедры, ректорат, все общество университета.

В университете на каждого студента, только что пришедшего в аудиторию, смотрят как на возможного кандидата в члены научного общества. Наметьте подходящего кандидата, сотрудничи кафедры, руководитель кружка вместе с ним беседует, подбирает для каждого соответствующие задания. Студент, ведущий исследовательскую работу, имеет постоянного руководителя-консультанта.

Во главе каждого кружка стоит высококвалифицированный научный руководитель — профессор или доцент.

В настоящее время общество насчитывает в своих рядах 340 действительных членов и объединяет 52 научных кружка, из которых принимают участие в 500 студентах.

Во главе общества стоит выборный президиум. В составе его 11 студентов и 6 преподавателей.

Докладам председателей общества студента 4-го курса М. Каганова слушают на Ученом совете университета. Общество регулярно отчитывается на партийном бюро. Особенно тесная связь у него с комсомолом. Во всех отделениях общества, на всех факультетах и кафедрах комсомольская организация имеет своих представителей, несущих перед комитетом ответственность за работу научных кружков.

***

В нынешнем году Харьковский университет впервые за несколько лет выполнил план набора в аспирантуру. Кандидатов оказалось значительно больше, чем вакантных мест. Анализ показал, что немалая доля заслуг в этом принадлежит студенческому научному обществу. Да в этом и нетрудно убедиться. Достаточно ознакомиться с составом кандидатов в аспирантуру. Подавляющее большинство их — питомцы университета, деятельные участники студенческих научных кружков.

Кружковая работа! Сколько таких скромных, незаметных сначала кружковых работ широко внесено в науку и технику страны, имеющие теоретическое и практическое значение! Павел Козаренко, Владимир Кремер, Ольга Дригверж и многие, многие другие в качестве своих дипломных работ взяли именно те темы, которые они начали разрабатывать еще два-три года назад в студенческих кружках.

— Как видите, — говорил ректор про про научной части, — здесь видно самая непосредственная связь между студенческой работой — аспирантурой — научной работой. Одно следует за другим, и одно вытекает из другого. И когда мы появили это, мы стали другими глазами смотреть на студенческие кружки, по-другому начал относиться к ним...

Байкал

Фото Д. Дебабова

Как море, безбрежен Байкал в раздольном полове. Зорки глаза рыбака, но и самые молодые не разглядят противоположного берега озера, затерявшегося в туманной дали. Горы, цепью протянувшиеся вдоль живописных берегов, обрамляют Байкал чудесной оправой свержающих на солнце вершин. Прозрачные воды Байкала тихи и спокойны в ясный, солнечный день. Но вот подул с востока «баргузин» — зеркальная гладь озера покрывается гребнями синеволновых волн. Густые туманы закрывают горизонт. С криком уносятся вдале испуганные чайки. В такую погоду рыбаки спешат к берегу.

Байкал — самое глубокое озеро на земном шаре. В центральной части глубина его достигает полутора километров. Страшно омутиться среди озера во время шторма. Как ни опытен рыбак, а могучие волны могут мгновенно опрокинуть лёгкую рыбацкую лодку. Когда туман закрывает горизонт, рыбаки уходят к берегу или спешат укрыться на островах, которых здесь насчитывается до 30.

На сотни километров раскинулось прозрачное светозелёное озеро Байкал. Недаром в народной песне поётся: «Славное море, священный Байкал». Для рыбаков это озеро священо потому, что оно богато множеством превосходной рыбы. На весь мир прославились знаменитые байкальские омули.

Ольхон — большой остров на Байкале. Это — царство рыбаков. С давних пор промышленно здесь рыбу потомственные рыбаки —

русские и буряты. Дружной семьёй живут они в рыбоплавательных колхозах. Рыбаки живут здесь замкнуто. Озеро щедро кормит тех, кто умеет рыбачить и знает повадки Байкала.

Есть на Ольхоне прославленный рыбак Урбахай Урбаханов. Никто лучше его не умеет разгадывать тайны Байкала. Урбаханов верный знает, где будут проходить косяки омуля, когда лучше ставить сети на ловлю хариуса, где водятся громадные щуки, весом полтора — два пуда.

Но вот на Байкале начинается страда — путина. В эти дни комсомольская бригада Урбаханова тщательно готовится к лову. Молодые рыбаки, многому научившиеся у старого рыбака, всегда добывают первые сотни пудов жирного омуля. С урбахановцами соревнуются рыбаки бригады Данилы Дудеева. И в этой бригаде успешно работает молодежь. За одну тоню дудеевцы добывают по 300—400 центнеров рыбы. Богатыми уловами своей бригаде гордятся и самая молодёжька рыбаки, комсомолка Дуса Дудеева. От отца она унаследовала зоркие глаза и ловкие руки. Дуса — настоящий мастер лова и в бригаде никому не уступает первенства.

На закате, когда кипит работа на выборке рыбы из сетей, по Байкалу далеко к горам несутся чудесные бурятские песни рыбаков. Молодёжь поёт их за работой, когда тянет весло или везёт улов к берегу.

Байкальские рыбаки уверены, что нет на свете озера краше, чем Байкал, и нет природы красивее и богаче, чем байкальские берега. Свою любовь к природе и к труду они выразили в замечательных песнях, созданных народом.

Но было бы неверно думать, что Байкал — это только омули и пудовые щуки. За годы сталинских пятилеток много изменилось на Байкале. Теперь здесь открыты несметные сокровища недр, которые преобразуют этот дикий край в промышленный центр. Здесь находятся крупнейшие в мире залежи слюды, богатые месторождения угля и других полезных ископаемых.

Здесь началось крупнейшее в стране гидростроительство на реке Ангара. Ангарстрой изменит облик байкальской земли и превратит этот край в индустриальный центр.

К. МОИСЕЕВА

«Феодосийский порт».

Море открывается сразу, как выходишь из помещения Феодосийского горкома комсомола. Несколько десятков шагов — и начинается территория порта. В порту забываешь о море, о солнце: здесь странно меркнет чудесное летнее утро. Если бы на этой территории буйствовали фантастические марсиане, вряд ли они смогли бы сделать больше. Повсюду чёрные, закопченные камни, развороченные плиты бетона, покрытые какой-то ржавой плесенью...

Весною сорок четвёртого года на развалинах порта появились комсомольцы. Жесткий пористый бетон хлестал их лица едкой смесью песка, ржавчины и соли. Порт лежал чудовищным завалом на пути вперед.

«Минировано!» — кричала надпись, нанесённая чьей-то торопливой рукой на куске обгоревшей фанеры. С невскоких букв тинулись, словно капли крови, красные нити подтёков.

Миновали среди гора мотыли бесполозы. Самые ловкие, самые зоркие руки расчищали дорогу остальным. Это была тяжёлая, страшная работа. Но молодёжь упорно продвигалась вперед, прорезая «ходы сообщения» для машин и механизмов. Каким праздником был день, когда на моту образовалась первая дорожка, по которой с трудом мог пробраться подвёртанный кран!

Теперь по всему порту день и ночь разносятся тарихтные моторы и тяжёлый лязг гусениц. Краны растаскивают в разные стороны груды бетона и железа, грузят пароходы.

Порт, на стене которого немцы, убегая, написали «Феодосия капут, навеки капут», уже работает. Стоит у причалов пароходы, по зеркальной поверхности бухты толкают катера, лодки.

У расцепленного взрывом толстого бруса, тинущегося вдоль стенки мола, приоткрыта маленький катер. На прямой, словно обрубленной, юрме надписи: «Первенец». Наверное дано не случайно: это действительно первенец восстанавливаемого Феодосийского порта.

Оставшая Феодосия, окутывая уничтожили все плывучие средства. На дне залива лежали пароходы, парусные суда, лодки, катера. И не было ни водолазного снаряжения, ни самых простых приспособлений для производства спасательных работ.

В ненастный осенний день, когда по морю ходит чёрная холостая рыба, в бухте началась подводная разведка «своими средствами».

Чтобы иметь понятие об этих «своих средствах», попробуйте задержать дыхание на одну минуту. А феодосийские «подводники» прождали на дне моря не менее трёх минут...

Тяжёлый камень в руках стремительно увле-

Ворота моля

А. МОРОЗОВ

кает нырять в глубину. Смертельно хочется бросить этот груз, пробкой вылететь на поверхность воды и дышать, дышать, хватая воздух глот, раздувая грудную клетку. А тем временем в мутно-зелёной таинственной пелюшке всё отчетливее проступают очертания небоських судов, то бесильно повалившихся на борт, то гордо стоящих на киле и словно плавающих среди густых причудливо перелетённых морских трав. Руки впиваются в борт, покрытый какой-то слизью, налитые кровью глаза торопливо осматривают корпус, ищут грозных признаков моты. Вспыхивает на мгновение свирепая зависть к нарядной барбальке, надхально скользящей у самого лица и явно заходящей своими жабрами. На воздухе противная мелкая дрожь всего тела, особенно коленей и пальцев рук, сердце, тяжело шевелящееся где-то горлово ниско, чем ему обидно полагается. Отдышавшись, — снова и снова на дно, пока не прихотит опасное состояние «заотного ольщения».

Катер, который теперь называется «Первенец», лежал в густой аозтере — морской траве, полой на тонкую тесьму длиной в несколько метров. Зостера — опутывала руки и ноги, мешала смотреть, работать с тросами, к которым крепились «понтон» — железные бочки для бензина.

Отравное после теропических услыш от подлодного груза, суденышко по-зыгнуло тащил руками. Потом его поставили на корабельном кладыше среди догнивавших остовов лодок и шхун, похожих на скелеты гигантских ископаемых рыб.

Тяжко повреждённый анвабод, катер выглядел так безнадёжно, что люди, подвинувшие его со дня, невольно подумали: «Зачем было тащить этот груз?»

Чтобы достать «Первенца» со дня моря, нужна была отвага; чтобы вернуть его к жизни, требовалось больше — посведевшая борьба с невероятными трудностями.

Ремонтные мастера не имели ни инструментов, ни материалов. Но зато в них были люди с золотыми руками. Судолетники-комсомольцы Константин Арфанов, Емельян Барабаш, Александр Комаров часами вырезали разбитые куски из корпуса катера, добываясь до вполне здорового «тела», способного хорошо нести тяжёлую службу в море. Из щепок, из обломков они складывали детали за детали, пополнили недостающие своей сообразительностью.

Потом из материалов, размыканных на корабельных кладышах и среди руин портовых зданий, выгнанные свои новые части для катера. Всё приходилось делать без чертежей, но порою одна и та же деталь изготовлялась по несколько раз, прежде чем её удавалось точно подогнать на место.

Комсомольцы отремонтировали катер, комсомольские стали и на вату на этом первом судне Феодосийского порта: была команда «Первенца» — комсомольцы. Капитан его Михаил Филищев Астапенко видел Феодосийский порт в дни его проветания и в страшных руинах. Феодосию скола в широкие «ворота моря». Юношу не испугали развалины, он не отпрянул на лонск «чистой воды», а вошёл в первые ряды тех, кто отдавал все свои силы на то, чтобы как можно скорее превратить Феодосию скола в широкие «ворота моря».

Один крупный океанграф писал, что с морем надо знакомиться с лодки. С этой точки зрения, он, конечно, ничего не возражал бы против «Первенца»: на нём человек может свести с морем самое тесное знакомство. С борта катера легко дотронуться рукой до воды.

Жизнь у «Первенца» хлопотливая. Над морской грядью сиротливо и грозно, как эмблема кораблекрушения, торчат концы двух чёрных мачт. Что оставили в этих водах немцы? Сторожко, на молане ходу, «Первенца» приближается к мачтам океанского судна, захваченного на рейде вражеским вайлом несколько лет назад. Сколь прозрачную воду видны автомашины, прижатые друг к другу, и плууба, какой она была в момент воздушной атаки. Изменился только цвет парохода, густо облепленного чёрными миндами...

Мельничко скрывается в глубине водолаз Погорелов.

Монотонно скрипит насос, и чайки, взволнованно носясь над погибшим пароходом, мачты которого служат для них насестом, истрепывают криками вайлом и гнилым старым порохом.

Вернётся ли водолаз? Не заденет ли он на корабле какую-нибудь коварную ловушку, которая в водном смерже унесёт и остатки парохода, и водолазный бот, и «Первенца» с его смелой и весёлой командой? Об этом никто не

Рисунок П. Баранова

думает на «Первенце» — опасная работа — бушует ветер.

«Первенца» ни по одной его статье нельзя отнести к спасательным судам, но оно не раз выходило на помощь терпящим бедствие.

В бурю открытое море у мыса Ильи — очень нехорошее место, особенно для небольшого судна. «Первенца» здесь задерживает теснота и волны. Вешено вернуться в воздухе освободившийся от нагрузки кит. Волна за волной толкается накрывать кит. Но он уже вынырнул, присел на кору и, словно выбирая невидимую тропинку, быстро запырла с одного мунгосерога к другому.

В тихую погоду работа мотора как-то совсем незаметна. А в бурю кажется, что только он один и есть на катере, а всё остальное — лишь допоясание к мотору.

Старший моторист Василий Пустобоев слышит и завывание ветра, и ровный тяжёлый гуд прибор, и свирепые удары волны о корпус «Первенца».

Но, как дирижёр оркестра, он ни на секунду не упускает звук «свующего двигателя». Он «давлывает» малейшие перебои в работе мотора, легчайшие ступи и выбрания. Кажется, он видит сквозь металл, как между электродными свещ проскакивают крошечные голубые искры, как отогнанный клубок «сплавляется» смеси бензина и воздуха толкает поршень то в одну, то в другую цилиндров мотора...

Вот уже можно разглядеть мачту, раскачивающуюся на зловещем фоне тум. Уже слабо доносится прерываемый грохотом волны крик: «Пустобоев!».

В эти минуты каждый, увидевший моториста Виктора Лиса, балансирующего на палубе, завываемой волнами, несомненно, подумает: «Это настоящий морской волк!»

Виктор скотло рассказывает о своём секрете превращения обыкновенного сухопутного юноши в «морского волка». Когда Лис почувствовал разлад между телом, категорически несогласным во качку, и духом, увлекающим юношу в море, он решил сразу прибегнуть к героическому решению: стал всё время жить на катере. День и ночь его качали и отвратительная «толчея», и штормовые волны, прорывающиеся в бухту, и мёртвая зима. Целую зиму Виктор провёл на катере, танцующем на волне и под Прыжком. С тех пор так, как никогда раньше.

Теперь для него качка не существует. — Есть, говорит, в Атлантическом океане волны с соршорой дом. Интересно, почувствуйте на них что-нибудь? — мечтает Виктор. Родное море не протос «Первенца» знает, как другие знают Юниу, на которой родился, выросли и на которой сподожно умереть. Но на вопрос о любви к морю он отвечает лишь пожатием плеч. Разве мы любим воздух? А попоруби прожам без него?

«Первенце» уже давно не однок: буксир, катера, суда самого различного назначения обслуживают Феодосийский порт, превратившийся в отличную школу для моряков.

Родом для молодости востит танцев чудесная романтика. Легко выбрать команду на корабль, отправляющийся в самое опасное плавание. В Феодосийском порту молодёжь вначале ждали только тяжёлые галбы бетона, ржавое железо, бесчисленные воряния авиабомб. Но комсомол сразу бросил сюда свои лучшие силы. Горком сумел здесь, на суше, зажёчь в людях фарос авральной работы на палубе судна, когда-каждый отдаст всё, что может. И ребята делали чудеса, оживляя моторы, годы провалявшие на дне моря, востанавливая стаяки, как будто побывавшие в жерле вулкана.

Здесь юноши из ФЗО, прямо со школьной скамьи, становились в почётные ряды восстановителей. И квалификациявший слесарь, муть таншор у тонкой, сложной работе, отлично принимал, что сейчас главное — привести в порядок громадные ржавые болты, собранные на развалинах. А юный столяр пытого разряда с дохловением стругал и судорожничал мастерских тяжёлый брус для починки судна, поднятого со дна моря.

Для трудного дела мало только вызвать человека работать: надо ещё и воспитать его так, чтобы он умел преодолевать любые препятствия, чтобы, ощущая любовь и уважение рядом товарища, он думал не только о себе. Большая заслуга Феодосийской комсомольской организации является то, что в порту она сумела добиться этого.

Евгений ВЕЛИЧКО

«КАТЮША»

Рассказ

Эта встреча со Степаном Ильичём для меня не была неожиданной. Ничего не зная о нём лет пять, я никогда не сомневался, что встречу его где-нибудь в Арктике. И вот, едва лишь наша «Катюша», загрузив моторы, причалила к бую одному из северных портов, как от берега отделилась лёгкая шлюпка и, журча моторчиком, побожала к нам. Ещё не разглядев лица рулевого, я подумал, что это Степан Ильич: так чисто и изящно была шлюпка, так безостановочно запустился и рожно работал моторчик. Ну, конечно, на руле сидел именно он, в неизменной своей засаленной фуражке, комбинезоне и с пыточком мизурта на шее, которое от его привычки потирал себе щеку постоянно приходилось на одно и то же место.

Встреча была сердечной. Прямее мне знакомство давало нам право называть себя друзьями и дорожить этой мужской дружбой, родившейся лишь там, где каждый из нас показал перед лицом неистративных обстоятельств свою, как говорил Степан Ильич, «серёдуку».

Степан Ильич работал здесь механиком. Его неугасимое трудолюбие обеспечивало зимовку, где он служил, бесперебойную работу силового хозяйства. Механик, слесарь, столяр, лечник, тележаник, электрик, он один заменял людей десяти специальностей. Часы Степан Ильич чинил всё Арктике: после его проезда в комнатах зимовщиков дружно тикали возрождённые будильники, «ходики», «комети» и «мозеры». Его умелые руки и бескорыстие морде снискали ему добрую славу на зимовках.

— Закурим, Степан Ильич, — предложил я, усевшись на лежащую у берега бухту.

Неожиданным образом папироса, предложенная ему мною, помогла мне узнать ещё один эпизод из жизни Степана Ильича, эпизод, который без этой папироса наверняка был бы отощён ещё в нескольких сухих словах: «Да, толул. Ну, жив остался, ничего», — или что-нибудь в этом роде.

Усевшись на соседнюю бухту, Степан Ильич взял папиросу, помял её в пальцах и вслух прочёл надпись на мундштукке:

— «Катюша». Ява. Москва». Да, «Катюша», — улыбнулся он. — Хорошая марка! Почему-то их нам не завозит, последнюю папку выкурил на «Новоземельце».

— Ты был на «Новоземельце»? — заинтересовался я. — Когда его потопили?

— Как раз попал. А ведь, верно, мы с тобой давно не выдвигались, если ты про это не знаешь: я-то уж забываю начал.

— Ты про «Катюшу», про «Катюшу» рассказывал, — вмешался метеоролог, подсевший к нам.

— Да что про «Катюшу!» — отмахнулся было Степан Ильич, но мы наесли на него, и с дополнением метеоролога, тогда бывшего на «Новоземельце» вместе со Степаном Ильичём, я услышал эту рассказ.

***

«Новоземельце» шёл с грузом муки в Диксон. На борту были и пассажиры, выпарывавшиеся на разные зимовки. Плавание протекало спокойно. Скоро ожидается Карское море, и надежда на благополучное плавание крепла.

Крик автентного с поубояка: «Перикук следва по курсу!» — застал пассажиров врасплох. Военная команда судна стала к орудиам, Старпом и боцман, унимая начавшуюся среди пассажиров панику, выдворили всех в тиндлек. Загребели выстрелил пушек, но немец успел уже выпустить две торпеды. Одна, оставшая на волнах пунаристый след, прошла сзади укреплённого парохода, но другая всё же попала в борт под вторым трюмом. Тяжёлый удар взрывом потряс пароход — погас свет, и едкий дым взрыжания и мучная пыль наполнили помещения.

Люди кинулись к трапу, на палубу. Дверь наверху распахнулась, и в светлом прямоугольнике появился фигура матроса с винтовкой в руках.

— Женщины и дети выходят первыми! — крикнул он.

На палубе грохотали лебёдки. Используя последний план, там спускали за борт моторный катер и ёлу, предназначавшиеся одной из зимовок. С железным громом скользяли из своих тибид за борт спасательные плоты, выжили тали спасательных лебедок.

Корабль оседла медленно. Разметанная взрывом мука завалила пробину, замедил приток воды. Одна за другой отщипали от борта шлюпки, наполненные людьми. Степан Ильич, как человек поживной, попал в лебёдот с частью женщин. Шлюпки, таща на буксире плоты, медленно оторбали от тонущего судна.

Только большой железный катер, в который, как в самый надёжный, уселись женщины с детьми, ещё покачивался у парохода. На катере не запущался давно бездействовавший, застыв-

— Самолёт! — вскрикнул Степан Ильич...

Рисунок Г. Белашова

Узбекский танец.

Фото В. Гребнева

Вход в парк имени Сталина в городе Ташкенте.

В минуты отдыха в пионерском лагере.

ДУШЕВО ТОВАРИЩА

Зимой 1942 года небольшой отряд прорывался в складные горы Кара-Кай. На высоте в три тысячи шестьсот тридцать девять метров, у одинокой хижинки, бойцы расположились на отдых. Отсюда они должны были отделиться на смуту троп, обрешенной один из горных перевалов. Почти бойцы ставили палатки, пока два повара разжигали костер, один из командиров вошёл в хижинку. Здесь оказались две девушки-санитарки и трое раненых... Оби их девушек звали одинаково — Ася. Одна — мыльщица, курносая, — Ася Кляшникна, другая, посмелей, — Ася Пуладова. Девушки были измучены трудной работой. «Трудно нам так, что и не рассказать», — говорила Ася Кляшникна. И добавила: «Мы сидим тут на краю света, и страшно нам, и голодно, и трудна нашего никто не видит, и никто даже не представляет, какой это каторжный труд...»

«Что же страшно Ася Кляшникна? Самое страшное, говоришь она, это когда умирающего человека тащишь по леднику как по тропинкам над пропастью. И у него сила нет, и у тебя сила небольшая, в кругом холадные льды, и снег выше роста человеческого... Вод человек кровью исходит... Вот и ломашь голову, как бы человека спасти. И рану ему бинтом перевяжешь, и чаем горячим из термоса напоишь, и одеялом накроешь его... А сама тащишь. В газах темно, и руки себе кусаешь от слабости, чтобы не упасть и не упасть в снегу...»

Однажды случилось Асе Кляшникна тащить так раненого бойца, бывшего грузчика по имени Ваня, очень тяжело больного в самых опасный момент. Она выдержала и сердце у меня заболело, и потеряла и сознание... А когда очнулась, увидела, что лежит на брезенте, а Ваня тащит её. Рану рукой зажал и ругается: «Паршивая девочка! Какой дурак тебе повоза идти сюда... Теперь возись тут с тобой, негодница!»

Но тут асия рассказ прервала один из раненых бойцов: «Она нам наговорила... Эту самую девочку все наши бойцы готовили ухаживать не то что катать, до самой Москвы, а там поднять на Красной площади и показать людям, чтобы все знали, какая это девочка...»

Вместе с бойцами Ася Кляшникна тоже должна была идти на отдых. Она замечательно ухаживала медком со своими ранеными и вдруг несемло отделила к командиру пришедшей на смуту троп с просьбой:

— Разрешите обратиться?

— Что такое?

— Девушка туго покраснела:

— Я хочу остаться здесь.

— Остаться? Зачем?

— Потому что я здесь нужна...

И, не дожидаясь ответа, она начала развязывать свой затанцованный реминим вешевой мешок.

Этот эпизод рассказан в талантливой книге Владимира Заруктина «Кавказские записки». В этой хорошей книге, посвящённой обороне Кавказа, немалое страниц уделено нашей советской молодёжи, мужественно богатству молодого человека, его простой и глубокой любви к родной стране, к товарищам, к подругам. Люди приходят в эту книгу из жизни, и отчетливо выделены в этом произведении высшая мораль нашего общества, в котором становится жить только для себя является нравственным уродством.

Читая рассказ об Асе Кляшникна, я вспоминаю и очень давний эпизод — эпизод довоенных лет. Случилось это в 1915 году у Нарва, в Польше. Нас, сидевших в окопах, осталось из всей роты около двадцати человек, когда пришла приказ отступить. Из-за бездарности, а иногда и просто из-за предательства парских генералов мы постоянно оставались без снарядов, без патронов. Артиллерия наша часто уходила в самом начале боя, и немцы расстреливали нас в сущности, без всякой с нашей стороны возможности сопротивляться. Так случилось и на том участке у Нарва, который вспоминаю мне. Около километра отделила нас от леса, где мы могли укрыться. Пока спасли обстрелянными, и вой мы пошаме через это поле. На попытку нас было уже не более десяти человек, раненых мы тащили с собой. Лесок был метрах в ста от нас, когда меня опрокинуло, подброшено, а лошадь, которую я вёл в поводу, ударила меня ещё копытом в раненой груди. Я не потерял сознания и видел, как вырвался вглубь из леса пулемётная одиноко. Она понеслась к нам по открытому полю, вмиг меня вместе с другими ранеными кинула в штыки и побежала в сторону. Она повзвучала нас под прикрытием деревьев. Своим спасением мы были обязаны неизвестно кому.

Он запомнился мне навек, этот молодой везучий парень, белокулый, чуть ступлястый, с вельями карими глазами, в выцветшей жёлтой гимнастёрке, в порванных выше колен штанах и в стоицизм, а покрывавшимся в походах бабалами, пыльными солдатскими сапогах. Но он был солдат царской армии, и тут же на него наброся пороги, из синих штанов, полевой адъютант, угрожая всеми карами за то, что он без приказа полез к «солдатке», подверг опасности казённое имущество — лошадь и одиноко. Так в то времена подтвердилось поруганию лучше человеческие чувства.

Этот полевой адъютант может служить примером нравственного уродства в такой форме, какая неизвестна нашим советским людям. Вот одна сцена. Поручик стоит на опушке леса. В грядом с ним неразлучный, уклоняющийся воинский чиновник, по должности заведующий оружием, по существу пьяница и картежник, вместо оружия доставлявший главным образом коньяк и шампанское. В деревушке, что аскала несколько позадом озером, по золотым грядкам поля неслаас артиллерийская запряжка. Ездовой, пригнувшись, гнал лошадей, торопясь проскочить открытое пространство. Немцы ловили его снарядами. Поручик спросил чиновника:

— Как вы думаете: проскочит или нет?

— Думаю, что проскочит, — ответил чиновник.

— Пари, что убьёт?

— На сколько пари?

— Проскочит — ваша сотня, а убьёт — моя.

И было заключено чудовищное пари, где ставкой была жизнь человека.

Ашадь домчала артиллериста до деревушки, человек остался жив. Чиновник Чиновник торжествовал победу: он выиграл сто рублей. Поручик ругался последними словами. Для обоих ездовой не был человеком — он был только картой в азартной игре, не больше того.

Об этом поручике вспоминаешь теичас, как о чём-то неправдоподобном, совершенно невозможном, как о какой-то бредовой выдумке. Но тем не менее это была не выдумка. В борьбе с таким нравственным уродством рос и закалялся наш народ. Вспомни, народ освобождения жизни высокой моралью, свободным проявлением глубокой любви своей к родной стране, ко всему, что есть лучшего в человеке. Но на Западе и посейчас хозиничит господая вроде этого поручика, о котором я вспоминаю. Судьба народов для западных реакционеров — карта в азартной игре на большую ставку, на милаионные прибыли.

Чувство правоты своего дела, моральной его чистоты и высоты придаёт гигантские силы человеку, создаёт героизм, порождает массовый героизм. Наша литература в лучших своих произведениях эту правду жизни нашей воплощает в образах, давщих пример подражаниям людям. Повесть Корчагина — знамя нашей молодёжи. Молодые писатели, выступившие в последние годы с первыми своими произведениями, развивают в этом смысле лучшие традиции нашей литературы. Мне кажется, что в повести Добровольского «Трое в серых шинелях» лучшее место то, где герой повести поворачивает обратно во время алыжонской кресте, отдаёт свою победу на алыжонском кресте и одерживает победу гораздо больше — спасает товарища. Это норма нашей жизни, это правда, которой мы живём и к которой мы так привыкли, что в повседневных поступках людей не всегда и замечаем её.

Неславо я прочёл небольшую книжку, вышедшую в Пскове. Книжка эта называется «Ясики», автор её — И. Виноградов, молодой газетный работник, бывший партизан. Книжка эта носит скромный подзаголовок: «Очерки партизанской борьбы». Эта просто написанная книжка наполнена до краёв теплотой высокого большевистского товарищества. В ней есть рассказ о Юре Иванове, комом герсе знаменитого Партизанского крал. Раненый, он попал в плен. Он выдержал все пытки, а когда его повели на казнь, он вдруг сказал: «Развяжите руки, я хочу помолиться». «Немецкий офицер даже подосел», — рассказывает очевидец, старик-фокшорник, — значит, солдаим всё-таки волю комсомольца-партизана. Бога вспомни. И немцы приказали развязать руки... Выжи: Юра правую руку поднял, стал он пальцы сжимать, да не кричал, а в кулак, и как эхает немца в морду, так так и шабёнушка на землю. «Вот тебе партизанская молитва!» — крикнул парень... Это мальчишья-то! Школьник!» Юра Иванов был тут же убит.

Старик-фокшорник сказал про фазим: «Он кривой алыжон, как печатку пришабёнугой».

Высокая мораль венородной советской дружбы, венородной боевого и трудового товарищества по этому кире бывает с моралью алыжондов. Заключившая в боях Великой Отечественной войны, эта мораль асдет нашу молодёжи и в послевоенной пятилетке к поднятию мирного труда. Коммунистическая мораль несоруживая и победоносная в духе чоры алыжонский патриотизм, активная и страстная любовь к Родине. Эта мораль ведёт в бой против всяких, хотя бы и самых мелких проявлений нравственного уродства. В этом смысле надо чувствовать себя волею и везде собранным: воспитываться самим, воспитывать и товарища.

БЕСЕДА С ЛАУРЕАТОМ СТАЛИНСКОЙ ПРЕМИИ
А. И. АЛИХАНЯНОМ

Жизнь на Земле черпает свою энергию из солнечного света. Уже первобытные люди олицетворяли солнечный свет. Они поклонялись его телом. К его особенностям приспособлено человеческое зрение. Во асферичии зрения человек изучает и покрывает природу. Помощь солнечного к нам на Землю приходит лучи света, посылаемые далекими звездами. Эти звезды находятся от нас на расстоянии многих миллионов километров. Этот слабый звездный свет несомненно нас согреть, он не имеет практического значения как источник освещения. Но как ни слаб звездный свет, он не бесплоден для нас. Вспомните, какие вести о нас, что услышана Вселенная. Изучая свет звезд, мы узнали, что, кроме солнечной системы, в которую входит Земля, существует множество миров, расположенных по всей Вселенной. Свет, который посылают нам звезды, открыл физикам и астрономам, что звезды состоят из таких же веществ, из каких состоит и наша земля. Свет звезд позволил измерить межзвездные расстояния и даже узнать звездные температуры. Если бы звездный свет по какому-либо причинам не доходил до нас, мы бы многого не знали бы о Вселенной. Маленьким казался бы мир, окружающий нас.

Сравнительно недавно, около сорока лет тому назад, физики обнаружили, что с Земли приходят невидимые лучи, не похожие ни на солнечные, ни на звездные лучи света. Эти загадочные лучи, возникающие где-то в космических безднах, были названы космическими лучами.

Это название сохранилось с тех времен, когда в космических лучах исследователи пытались уловить сходство со светом. Что такое свет? Каждый школьник знает, что световые лучи представляют собой электромагнитные волны, подобные радиоволнам. Но длина световых лучей равна не сотням метров, как обычно бывает волнам радиовещательного диапазона, а всего-навсего — десятисантиметровым долям сантиметра. Человеческий глаз устроен так, что он чувствует световые лучи, но не чувствует радиоволны. Его можно сравнить с радиоприемником, который «настроен» на короткие волны и не может принимать станций, работающих на длинных волнах. Не может глаз воспринимать волны и

делать их большой энергией. А что представляют собой другие составные части космического излучения?

В 1937 году было открыто, что среди космических частиц встречаются много таких, которые раз в двести тяжелее электронов. Эти частицы были названы мезотронами, или мезонами. Они обладают большой проникающей силой и способны пронизывать метры толщи свинца, железа и т. д.

Разогнавшись при своем космическом старте, космические частицы, двигаясь в межзвездном пространстве, попадают в атмосферу воздуха, окружающую Землю, и хотя часть из них доходит до самой Земли, но часть все-таки погибает в воздухе, поддается тому, как дождевик встречает в туче. Как же мы их замечаем?

Для этой физики пользуются особым прибором, который называется счетчиком частиц. Попадая в счетчик, космическая частица вызывает в нем нечто вроде грозового разряда. Это разряд можно услышать при помощи радиоприемника, настроенного на мы слышим грозовые разряды в атмосфере, которые часто летом можно слышать слушая передачи по радио. Существует еще способ — фотографировать следы, которые оставляют за собой космические частицы во влажном воздухе. Но этот способ громоздок, и мы в своих работах по исследованию космических лучей стараемся его избегать.

Попавшая в атмосферу, космические частицы бесперестой сталкиваются с атомами воздуха, встречающимися им на пути. Расчищая себе путь, космическая частица при этом уменьшает свою скорость, и те их ионы, которые с самого начала имели меньшую скорость, могут и вовсе остановиться. Если сест в корону аромата и полететь в воздухе, то встретятся космические частицы при помощи счетчика, то по мере пользы счетчик будет отмечать не только те частицы, которые доходят до счетчика, и те, которые космические частицы, которые не могут дойти до Земли и по пути встречают в воздухе. Стремление наблюдать не только самые проникающие космические лучи и побуждал нас предпринимать высокорейные экспедиции по изучению космических лучей.

Вот примерно то, что незадолго до войны мы рассказывали интересующейся наукой молодой аудитории о космических лучах и их исследовании. С тех пор в этой области развилась область исследований пронизало много событий. Прежде чем рассказать о тех, которые довелось пережить нам, нужно ответить на естественный и у читателя вопрос: чем нам дало изучение космических лучей?

Одной из важнейших задач современной физики является изучение строения материи. Из чего состоит все окружающая нас природа и мы сами. Мы знаем, что атом любого элемента построен подобно солнечной системе. В центре его находится ядро, вокруг которого вращаются электроны, подобно тому, как вокруг Солнца вращается Земля. Изучив свойства электронных оболочек атомов, мы научились «освобождать» электроны, вытесняя их из металла и других тел и благодаря этому получили вещества из-

еще более короткие, чем световые. Например, рентгеновые лучи, которыми широко пользуются в медицине, это тоже электромагнитные волны, но только еще более короткие, чем световые. Эти лучи не производят никакого впечатления на наше зрение. Для того чтобы излучать их, приходится пользоваться специальными экранами и более сложными приборами.

Еще более трудноуловимые невидимые космические лучи. Физики, которые занимаются их изучением, похожи на людей с завязанными глазами, которым в полной темноте приходится разгадывать, узнавать, наконец, видеть, но не слышать, а глазами своих инструментов. Первым соразником, с которым встретились физики, оказалось то, что, как мы уже сказали, космические лучи — вовсе не лучи. В их состав входят мельчайшие частички — отрицательные и положительные электроны, летящие с огромными скоростями.

Целым и корым, независимо от того, ежесекундно и ежесекундно на Землю проливается из межпланетного пространства поток этих частиц, аромачи атомы земных веществ и вызывающих новые потоки, целые дожди или льдины электронов, пронизывающих каждый клочок Земли. К счастью, эти льдины не очень сильны, иначе человеку пришлось бы лежать, тем более что укрываться от него не так просто.

Что же замечательного в лучах, приходящих к нам издалека?

Среди космических частиц встречаются довольно много электронов. Но потоки электронов нам не в диковинку: в каждом радиоприемнике, в каждой лампе в рентгеновских аппаратах и т. п. протекает электрический ток из электронов. Они не представляют для нас загадки. Зная их свойства, мы умеем управлять ими. Однако есть существенная разница между этими электронами и космическими электронами. Заключается она в том, что космические электроны обладают громадными энергиями. Благодаря этому они свободно проходят через заметные толщи вещества. А те потоки электронов, которые мы получаем в лабораториях, проходят через папирусную бумагу и едва способны пройти через толщу картона. Самые медленно движущиеся искусственно созданные электронные большие скорости движения, на-

готоваяте радиолампы, радиопередачики, телевизоры и т. д. Выявление свойств атомов помогло химикам сознательно управлять процессами соединения атомов в различные вещества и материалы. Но самые волнующие загадки природы заложены в устройстве ядра атома, о котором мы знаем пока еще очень мало. Ядро атома представляет собой сложную конструкцию, и чтобы его разрушить, нужны очень сильные средства. Для того чтобы отнять от ядра свободный кусочек, нужно сделать очень быстрыми снаряды, подобные тем, которые приходят к нам из космического пространства. Космические частицы играют важную роль в исследовании строения атома, именно потому, что они помогают узнать природу частиц, из которых построены ядра.

Последние работы экспедиции по изучению космических лучей, проведенные в сотрудничестве в горных районах Армении, привели к открытию новых простейших частиц вещества, которые мы назвали вариэтронами. А когда физики исследовали, что они — как раз и представляют собой «клей», которым скреплены частицы в ядре атома.

Вариэтроны обладают совершенно удивительными свойствами. Нам обнаружено очень много их разновидностей, отличающихся своими массами (от 100 электронов масс до 20 тысяч). Интересно то, что вариэтроны живут одной миллионной секунды. За это время они распадаются, образуя другие вариэтроны и обыкновенные электроны. Неадекватность вариэтронов показывает, что они не могут быть первичными частицами, попадающими на Землю из мирового пространства. Они должны были бы распадаться по дороге. Ясно, что они возникают в атмосфере Земли под воздействием первичного космического излучения. Данные наших экспедиций превратили существовавшее у физиков предположение, что эти первичными частицами являются ядра атомов водорода, летящие в космических пространствах с огромными скоростями, в твердое убеждение. Вариэтроны рождаются, так сказать, «по пути». То, что в пространстве атмосферы происходит рождение новых, неизвестных нам до сих пор частиц, и то, что они способны в свою очередь распадаться и превращаться, заставляет коренным образом изменить наши представления о строении вещества и о способности его из одной формы переходить в другую.

Можно рассуждать, что изучение вариэтронов позволит исследователям проникнуть в тайны строения материи еще глубже, чем это было достигнуто до сих пор. Безусловно, это время, когда мы считали «кирпичиками» мироздания стабильные, способные к длительному существованию частицы — протоны, нейтроны, электроны и т. д. Но тогда не могло даже появиться вопроса: а как же эти частицы вещества устроены? Почему они обладают именно теми свойствами, которые мы в них находим? И вот теперь первая надежда на то, что нам удалось найти подход к изучению строения частиц, которые до сих пор считались элементарными, превратилась в реальность. Это одна из новых задач науки, решение которой принадлежит будущему.

ПАРТИЗАНЫ ГАЛИСИИ

Галисия — это камни и океан, нищие крестьяне, нищие рыбаки. Франкисты овладели Галисией в первые же дни войны. Через порт Эль Ферроль Гитлер послал Франко людей и оружие.

Народная война против фашистов велется здесь почти двенадцать лет. В Галисии сохранили действия четкие кружки партизанских соединений. Как всегда, они подоряют поезды, нападают на гарнизоны и аэродромы, занимают населенные пункты, казнят предателей, ведут пропаганду среди населения.

Командиром одного из соединений был Мануэль Понте, написавший гордые письма английскому послу при дворе генерала Франко сэру Виктору Маллету. Получив от предателя сведения о том, что Понте с тремя товарищами ночует в одной из деревень, фашисты послали на поимку его пятьсот гражданских гвардейцев. И все же герою удалось бы уйти, но будешь о ранен. Мать одного из партизан, побившего вместе с Понте, была арестована. Полковник гражданской гвардии, произволивший арест, спросил ее: «Что же, ты пойдешь в горы третьего?» (Брат погибшего тоже в отряде,

дома остался только шестнадцатилетний мальчик.) Стружа-крестьянка ответила: «Я никогда не покинула. Но если бы захотел уйти в горы, то уж, конечно, не я буду его удерживать». О самих партизанах мало что известно. Даже когда партизан умирает, его имя всегда обнародуется. В рядах партизан сражаются в основном молодежь, те юноши и девушки, которые выросли уже под игом фашизма. И оказывается, что вояка Испании — это человек Испании. Не забыт героизм защитников республики, не пропала даром их борьба. Попреемную и даже больше прежнего жила в народе воля к победе. Попреемную и больше прежнего верит народ своему авангарду — коммунистической партии, — и она все крепче сплачивает его и ведет в бой. Ни расстрелы, ни пытки, ни голод, ни ложь фашистской пропаганды не поставили испанскую молодежь на колени.

Испания будет республиканской! В этом номере «Смена» мы печатаем предсмертное письмо молодого партизана Сегуно Вилавой, казнённого фашистами, и стихи безымянного партизанского поэта о гибели Мануэля Понте.

Сосны поют на морском берегу

Сосны качаются, ветер веет,
Тихо и нежно ветлами шумя.

Счастлива та, что скажет:

«Молодой партизан полюбил меня».

Молодой партизан, словно

в песне, отважен.

Песня о подвигах старых лет.

В песне повесть: «Я вечно на

страже,

Я в латы закован, в броне я одет.

И, кроме боя, мне отдыха нет».

Сосны качаются, ветер веет,

Тихо и нежно ветлами шумя.

На морском берегу на рассвете

дня.

Герой гор и долин туманных,

Товарища Понте вам не забыть.

Он показал в своих подвигах

бравных,

Как умирать, соблюдая и жить.

Жена героя, зачем тревожишь

душу сезамом, судубо клена?

Счастлива будь, что скажет

ты можешь:

«Молодой партизан любил

меня».

Пусть тех, кто героизм в бою

погибают

Смертью храбрых, сражаясь

с врагом.

Не задых злени прожогом.

А триумфального марша гром.

Герой гор и долин туманя

Свой путь продолжает крутою

тропой,

И светлый образ их капитана

Товарища Понте ведет их в

бой.

Ветры поют над его головою,

Холм могильный покрyli

цветы.

Мать героя, не плачь ты

над судубо,

Испания славу разделит ты.

Сосны качаются, ветер веет,

Тихо и нежно ветлами шумя.

На морском берегу на рассвете

дня.

Перевела с испанского

Ирина ТИМЯНОВА

Этот пулемёт отобран у врага.

За республиканскую Испанию! Одно из соединений партизан ведет бой.

ПИСЬМО ИЗ ТЮРЬМЫ

Дорогие товарищи!

Начиная это письмо и не знаю, сумею ли его закончить. Знаю, что мой конец приближается, — вижу это на лицах караульных, вижу приготовления: звери готовят кровавый пир как раз накануне рождения. Вот они, так называемые католики! Хочу воспользоваться малым временем, которое мне останется, а также малыми силами, потому что тело уже истощено и бьются минуты, когда кажется, что этим мерзавцам придется лишиться всего удовольствия увидеть меня повешенным. Но кажется также, что с каждым уходящим часом мой дух всё крепче, и это приводит в бешенство эти ничтожество, которые днем и ночью пытаются деморализовать меня ласканием и издевательствами. Но я не доставлю им этой радости.

Товарищи, если бы я рассказал вам всё, что они проделали со мной и что мне пришлось видеть, вы бы поняли, почему не пугает меня последний час. Думаю, что вы поняли бы и мою гордость, да, гордость тем, что я сумею вести себя как я в жизни, так и тогда, когда наступили тяжёлые минуты, как коммунист, который будет верен партии и делу, которое он пожелал защищать до самой смерти. Не думайте, что я говорю вам это для хвастовства. Полагаю, что вы меня знаете достаточно, чтобы не дать такого обещания. Прошу вам это для того, чтобы вы знали, что это за звери без сердца, и чтобы ваша ненависть к ним увеличилась. С того дня, как они меня похоронили (без сознания, потому что живым я бы не дался им в руки), они не обрнулись вниманием на то, что и почти при смерти. Сперва это были «спорсы» по 12—14 часов, во время которых я терял сознание. А когда они увидели, что словами и обещаниями ничего не добьются, начались пытки. Я сам не узнаю своих рук и ног. В течение 15 дней я мочился только кровью. Всё таки я устоял. Когда, пытаясь прервать меня в предельной, они обещали мне жизнь, лечение, деньги, чтобы уехать за границу, когда они кричали мне, окровавленному и почти безжизненному: «Скорее, плати мы тебе «бумбы» — и ни отечел однок». «Вы можете отнять у меня жизнь, но не достоинство». В такие минуты я вспоминал Кристино и Монолио

Бельо, я вспоминал, что я коммунист и партизан, а коммунисты никогда не бьются трусами, никогда ничего не говорят врагу. Когда я приступил к полномочной борьбе, я хорошо знал, что меня ожидает, и сейчас я умираю с честью, лишь бы не позволить, чтобы завтра народ и мои братья,

Кристино Гарсиа.

трудиться Эль Ферроль, показывали на меня пальцем и говорили: «Этот трус, это предатель».

Нет, товарищи, я не много лет в партии, но будьте уверены, что Вилавой не заговорит, что хотя и скромный член славы партии Пассионария, я смею до самой смерти быть достоинством этого звания.

Самое последнее слово я хочу обратиться к тем, кто и больше всего люблю: к товарищам по партии, к товарищам партизанам, к товарищам рабочим Эль Ферроль. Я не прошу вас, чтобы вы отомстили за меня: я немного стою, — я прошу вас отомстить за всех, кто пал и вытерпел муки в руках преступников С. фашистами разговоры ни к чему не приведут — это не люди, это дикие звери. И лучший способ отомстить за всех нас, кто пал в борьбе — это бороться безудельно на заводах и в полях. Если бы вы увидели, как я, этих палачей убавил, вы бы поняли, как они трусливы, потому что даже перед обещаниями и угрозами человеком они бледают, когда их об-

Кристино Гарсиа и Монолио Бельо — погибшие герои испанского сопротивления, коммунисты.

выносят в лицо и напоминают о том, который их складывает.

И хотел бы писать дальше и рассказать много вещей, которые приходят мне в голову, но не могу, потому что и разум, и даже жутко пропадаю каждую минуту, когда вспоминаю, удивляющим меня самого. Никогда не думал, что мои нервы выдержат всё, что они выдержали. Не обидели меня фашистские негодии и накануне смерти и уверен, что останусь для них кошмаром.

Прощу у вас только одного одолжения. Если это возможно дайте нас доставить это письмо нашей любимой Пассионарии. Ей, которая выкалывала меня коммунистом и которая в самые трудные

минуты вынула мое трудолюбие, ей показана и моя последняя попытка. моё последнее воспоминание, полное благодарности. Скромный и неизвестный член партии, я не забываю, что всем обязан ей и моей любимой коммунистической партии. Скажите товарищу Пассионарии, что партизан Видавоя умирает с гордостью, потому что он сумел так высоко держать знамя нашей партии. Неважно, кто я умер, потому что я уверен, что моё место будет занято десятками борцов.

Товарищи, я пропал со всеми, с теми, кто были моими товарищами по работе, прощайте с моими братьями партизанами из славного 4-го соединения и с ва-

ми, товарищи по партии. Я прощаюсь с моей любимой Галисней, за которую и отдал свою жизнь с возгласом, который выпрыгнет из моей груди в последнее мгновение: «Да здравствует великая коммунистическая партия! Да здравствует республика!»

Секундо Видавоя,
партизан 4-го
соединения

В тюрьме, 17 декабря
1947 года.

— Секундо Видавоя был казнен через три дня. Письмо его партизанам было доставлено в редакцию органа коммунистической партии Испании «Мундо обсерво» и опубликовано на его страницах.

А В ШЕ С КЕМ БУДЕТ ИГРАТЬ БОТВИНИК

Что такое движение пенек возможно, если королевский флаг азадево удерживать. Болославский только результат, что его слог по 87 является преградой движению борцов В. ССН-8, ССН-9, ССН-10, ССН-11, ССН-12, ССН-13, ССН-14, ССН-15, ССН-16, ССН-17, ССН-18, ССН-19, ССН-20, ССН-21, ССН-22, ССН-23, ССН-24, ССН-25, ССН-26, ССН-27, ССН-28, ССН-29, ССН-30, ССН-31, ССН-32, ССН-33, ССН-34, ССН-35, ССН-36, ССН-37, ССН-38, ССН-39, ССН-40, ССН-41, ССН-42, ССН-43, ССН-44, ССН-45, ССН-46, ССН-47, ССН-48, ССН-49, ССН-50, ССН-51, ССН-52, ССН-53, ССН-54, ССН-55, ССН-56, ССН-57, ССН-58, ССН-59, ССН-60, ССН-61, ССН-62, ССН-63, ССН-64, ССН-65, ССН-66, ССН-67, ССН-68, ССН-69, ССН-70, ССН-71, ССН-72, ССН-73, ССН-74, ССН-75, ССН-76, ССН-77, ССН-78, ССН-79, ССН-80, ССН-81, ССН-82, ССН-83, ССН-84, ССН-85, ССН-86, ССН-87, ССН-88, ССН-89, ССН-90, ССН-91, ССН-92, ССН-93, ССН-94, ССН-95, ССН-96, ССН-97, ССН-98, ССН-99, ССН-100.

Они сниско движение пенек возможно, если королевский флаг азадево удерживать. Болославский только результат, что его слог по 87 является преградой движению борцов В. ССН-8, ССН-9, ССН-10, ССН-11, ССН-12, ССН-13, ССН-14, ССН-15, ССН-16, ССН-17, ССН-18, ССН-19, ССН-20, ССН-21, ССН-22, ССН-23, ССН-24, ССН-25, ССН-26, ССН-27, ССН-28, ССН-29, ССН-30, ССН-31, ССН-32, ССН-33, ССН-34, ССН-35, ССН-36, ССН-37, ССН-38, ССН-39, ССН-40, ССН-41, ССН-42, ССН-43, ССН-44, ССН-45, ССН-46, ССН-47, ССН-48, ССН-49, ССН-50, ССН-51, ССН-52, ССН-53, ССН-54, ССН-55, ССН-56, ССН-57, ССН-58, ССН-59, ССН-60, ССН-61, ССН-62, ССН-63, ССН-64, ССН-65, ССН-66, ССН-67, ССН-68, ССН-69, ССН-70, ССН-71, ССН-72, ССН-73, ССН-74, ССН-75, ССН-76, ССН-77, ССН-78, ССН-79, ССН-80, ССН-81, ССН-82, ССН-83, ССН-84, ССН-85, ССН-86, ССН-87, ССН-88, ССН-89, ССН-90, ССН-91, ССН-92, ССН-93, ССН-94, ССН-95, ССН-96, ССН-97, ССН-98, ССН-99, ССН-100.

Товарищи, я пропал со всеми, с теми, кто были моими товарищами по работе, прощайте с моими братьями партизанами из славного 4-го соединения и с ва-

ми, товарищи по партии. Я прощаюсь с моей любимой Галисней, за которую и отдал свою жизнь с возгласом, который выпрыгнет из моей груди в последнее мгновение: «Да здравствует великая коммунистическая партия! Да здравствует республика!»

Секундо Видавоя,
партизан 4-го
соединения

В тюрьме, 17 декабря
1947 года.

— Секундо Видавоя был казнен через три дня. Письмо его партизанам было доставлено в редакцию органа коммунистической партии Испании «Мундо обсерво» и опубликовано на его страницах.

чемпиона Советского Союза. Кого назвал игрок место. Ва это блестящий результат молодежь Котону было признано самым гроссмейстером СССР.

Товарищи, я пропал со всеми, с теми, кто были моими товарищами по работе, прощайте с моими братьями партизанами из славного 4-го соединения и с ва-

ми, товарищи по партии. Я прощаюсь с моей любимой Галисней, за которую и отдал свою жизнь с возгласом, который выпрыгнет из моей груди в последнее мгновение: «Да здравствует великая коммунистическая партия! Да здравствует республика!»

Секундо Видавоя,
партизан 4-го
соединения

В тюрьме, 17 декабря
1947 года.

— Секундо Видавоя был казнен через три дня. Письмо его партизанам было доставлено в редакцию органа коммунистической партии Испании «Мундо обсерво» и опубликовано на его страницах.

Секундо Видавоя,
партизан 4-го
соединения

В тюрьме, 17 декабря
1947 года.

— Секундо Видавоя был казнен через три дня. Письмо его партизанам было доставлено в редакцию органа коммунистической партии Испании «Мундо обсерво» и опубликовано на его страницах.

Секундо Видавоя,
партизан 4-го
соединения

В тюрьме, 17 декабря
1947 года.

— Секундо Видавоя был казнен через три дня. Письмо его партизанам было доставлено в редакцию органа коммунистической партии Испании «Мундо обсерво» и опубликовано на его страницах.

Секундо Видавоя,
партизан 4-го
соединения

Вашим Яковским — Угро земли.

Евгений Винокуров — Стихи.

Николай Астапов — Вероломцы.

Игнатий Рождественский — Енисейское море. Унесший трюк.

Владимир Семкин — Два стихотворения.

А. Пресс — На вярном пути.

Байкал — Фотоочерк.

А. Морозов — Ворота моря.

Евгений Величко — «Катапола».

А. Антонов — Искусственный дождь.

Мих. Славинский — Чувство товарищества.

Космические лучи — беседа с лауреатом Сталинской премии А. И. Алмазьяном.

Партизаны Галисии.

В. Рагозин — С кем будет играть Ботвинник.

На первой странице обложки — фото Г. Борисова.

На четвёртой странице обложки — пестик «Мозождённая». Слово В. Мельникова, музыка Б. Дунавского.

Оформление номера художника В. Урица.

Редколлегии: А. Сувор (председ.), Н. Асеев, Е. Домматовский, М. Муков, М. Котов, А. Носмодомьянский, Г. Кулиев, В. Линдл, Б. Полюев.

Адрес редакции: Москва, 40, ул. (Старый), 24. А — 09908.

Полц. и печать: 13/VII 1948 г.

Зак. № 1550. Тираж 60.000.

Изд. № 551.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

23 Весна в тот год была ранняя. В конце июня дни стояли чрезвычайно жаркими и душными. Этот нестерпимый зной и духота еще более подталкивали на приближение ожидания на фронте: вот-вот что-то должно произойти... Сюда сдержанно и сдержанно доносили известия об отдельных стычках с противником, о поисках разведчиков и о том, что в районе Ораниенбаума: не сегодня, так завтра должен разразиться буря. Да не только разразится буря. Ведь на этот раз флотские командиры не просто пробуют предпринять новое наступление, но хотят показать, что вступив решив за позорное поражение под Сталинградом? Над этим вопросами думали многие военные обозреватели европейских и американских газет, все еще обсуждавшие возможности открытия второго фронта.

А в то же время в ставке Верховного Главнокомандующего Советской Армии знали не только место предполагаемого удара и не только численность и вооружение войск 33 немецких дивизий, сосредоточенных в районе Ораниенбург-Курской дуги, но знали даже день и час открытия второго фронта. И потому когда 5 июня 1943 года немецкие войска едва только заняли последние рубежи для атак, их встретил ураганный огонь на-

шей тяжелой артиллерии, расстрелявший вражеские боевые танки, вышедшие еще до начала самого боя. Особенно ожесточенные бои разворачивались в направлении Курск — с севера, в районе станции Поняевы, и с юга, под Обояны. Немцы, несмотря на большие потери в технике и людях, всеми своими силами стремились как можно быстрее замкнуть в кольцо расположенные в Курской дуге наши войска. Но части Советской Армии стойко оборонялись, вытесняя врага. Они опирались на систему оборонительных рубежей, протянувшуюся на глубину до 60 километров. В день немцы предприняли до 6-8 атак, бросая в бой новые и новые танковые и механизированные части, вооруженные тяжелыми «тиграми» и «фердинандами». Наши артиллерийские взводные части с танками и авиацией наносила врагу невиданный урон. Ежедневно немцы оставляли на поле боя не менее 15 тысяч солдат и офицеров, захваченных в плен и примерно столько же самоубийц.

Июли в течение недели силы врага, части Советской Армии перешли в контрнаступление и уже полностью восстановили существовавшее на началах импровизации положение, но и прорвали глубоко эшелонированную оборонительную систему немцев в направлении, что позволило вскоре перейти к наступлению группировки врага, сковавшейся в боях еще разгромом.

Историческая битва под Курском, длившаяся на протяжении 25 дней, еще раз продемонстрировала силу Советской Армии, ее непобедимость. «Если битва под Курском предвещала падение немецко-фашистского режима под Курском поставила ее перед катастрофой» (И. В. Сталин).

24

25 Советский Союз — великая морская держава. Два океана и четырнадцать морей омывают его границы. Три четверти берегов Советского Союза принадлежат морю. С первого же дня своего существования Советский Союз проявляет большую заботу о своей Военно-Морской флоте. Одним из первых Морской флот был объявлен, 12 февраля 1918 года. Разруха, последствие первой империалистической войны, тяжелейшие годы гражданской войны нанесли флоту огромные потери. Многие базы были разрушены, корабли потоплены, но 68 тысяч моряков, тринадцать тысяч офицеров, немногие остались в живых.

Несколько были приняты срочные меры для возрождения флота. В октябре 1922 года на одном из заседаний ЦК РСФСР в Большом театре совместно с председателем всех флотов и флотилий Советов было торжественно принято шестфоное комсомольское под флотом. И вот уже более четверти века комсомольцы любовно несут это яркое знамя. Флотны — Военно-Морской флот.

К началу 1944 года комсомольцы в порядке специальных мобилизаций перешли во флот огромные массы своих членов, а спустя 10 лет во флот достигло 73 процента всего личного состава.

Высокие оценки шефом флота К. Е. Ворошилову. Он писал: «Искусство командовать в конгрессах и боевой рубке, на палубе и у сложных морских приборов и механизмов — на всех морях, океанах СССР, зорко и верно несет комсомольцы флота. В блестящем классе, высоко держат знамя Ленина».

27 Великому гению Пушкина сопутствовало в русской поэзии много талантливых поэтов, дарование которых в историю нашей нации могло ознаменоваться собой целую эпоху. В блестящем пушкинском союзе давно и снет поэтический талант Федора Ивановича Тютчева.

Мыслящий литератор, прославив в 1818 году стихом пейзажиста, членом Общества любителей российской словесности. После этого он поступает студентом словесного отделения Московского университета, где знакомится с молодым поэтом гениально способ-

Ф. И. Тютчев.

ством его многолетним воспитателем Семён Егорович Рачи — известный переводчик и издатель журнала «Галатея».

«Александр Пушкин»
«СЕНТЕНС»

ДЕНЬ МОРЯКОВ

Прекрасно показали себя комсомольцы-морьяки в Великой Отечественной войне на добровольные взносы турбинщиков, сборные по ликвидации комсомольцев, которые строили много отличных боевых кораблей. Лучшие представители комсомольского движения шли во флот.

Война с честью выиграна советскими моряками. Советские моряки вписали в ее историю незабываемые страницы 25 июля советского народа, праздник День Военно-Морского Флота, чувствуя своих героических сынов военных моряков.

Ф. И. ТЮТЧЕВ

По окончании университета Тютчев поступает на дипломатическую службу и вскоре отправляется за границу, где он пробовал в общей сложности 25 лет. Уже в это время стихи его печатались в альманахах «Ураган», «Современная лира» и в журналах «Русский зephyr» и «Галатея».

В 1840 году, спустя несколько лет после возвращения в Россию Тютчев публикует наибольшую часть своих стихов. В этот период наибольшего расцвета достигает его философская и любовная лирика.

Умер Ф. И. Тютчев 27 июля 1873 года, 12 лет спустя.

Реалистические стихотворения Тютчева отличаются «страстной искренностью, большой выразительностью, музыкальностью и пластичностью образов. Очутима реальность вынесенных стихах уже в ранних стихках поэта («Весенняя гроза», «Летний вечер»), а в зрелые годы достигает наибольшей силы и красоты («Как весна грохот летних бурь», «Иль листва, еще оставшая от зноя», «Синет солнце, воды блещут» и другие стихки).

Вдохновенная лирика, особенно любовная, с годами не ослабевает творчестве Тютчева, а, наоборот, и 44 года приобретает особенную страстность и глубину («О, как убийственно мы любим», «Еще, вероятно, не слышка», «Чему жальлась ты с любовью»).

Лучшие из поэзии Тютчева вошли в сборник «Избранная классическая литература». Знойная страстность, суровая зрелость и широта души Тютчева характеризуют творчество Тютчева великий критик Н. А. Добролюбов.

ВСЕОБЩАЯ СТАЧКА
В БАТУМЕ

30 Историко-революционный календарь зафиксировал 30 июля 1903 года начало всеобщей стачки в Батуме. Дата эта имеет для молодежи, изучающей историю революционных движений в России.

В те годы на «Донбассе» помещика Кунасовского губернатором. Переступившая генерала стачка в Батуме. Дата эта имеет для молодежи, изучающей историю революционных движений в России.

На сей раз генерал от охраны не только летом 1903 года по адресу России, но и в революционные выступления рабочих в Батуме. «Стачки» объявляют целый район, — писал В. И. Ленин, — в них участвуют представители стачечных комитетов и все политические собрания повторяются во время стачек в целом ряде городов. Чуть ли не повсюду накануне баррикад (т. VII, стр. 160). В Батуме стачка началась в Баку, как и в других городах Закавказья и Украины, была, как известно, по существу всеобщей стачкой. Стачки по поводу, какое значение имели летние стачки на юге России в начале 1903 года? Стачки эти были не только на Кавказе в июльские дни столько до 100 тысяч рабочих.

Здесь, в Батуме, в начале июля школа воспитанна масс, как в Батуме, в Батуме, в Батуме. Следует вспомнить, что еще в марте 1902 года товарищ Сталин по поручению ЦК РСДРП организовал крупную политическую демонстрацию батумских рабочих. Но в начале августа 1903 года демонстрация и шел в главе ее. Утром в те дни под руководством И. В. Сталина была осуществлена соединение стачки с политической демонстрацией батумских рабочих. Советское правительство поспешило 5 апреля 1903 года арестовать товарища Сталина. Но и сила в Батумской и затем в Кунасовской тюрьме, И. В. Сталин оказался огромным влиянием на ход политической борьбы рабочих. Известно, что в Батуме в Батуме в Батуме И. В. Сталина среди рабочих. Знавалась подготовила летние стачки 1903 года, сыгравшую крупную роль в повышении классовой сознательности рабочих.

Большой интерес в этом отношении представляет документ царской охранки о работе товарища Сталина в Батуме. В начале августа 1903 года Тифлисский комитет партии в Батуме в Батуме в Батуме для пропаганды между заводскими рабочими одного из своих руководителей в Батуме в Батуме в Батуме. Дугашицкий, бывшего воспитанника 4-го класса Тифлисской духовной семинарии. Батумская деятельность Дугашицкого, стави революционные стачки в Батуме, для социал-демократической организации, вначале внешне главой Тифлисской комиссии. Батумская деятельность Дугашицкого в Батуме в Батуме в Батуме. Батумская деятельность Дугашицкого в Батуме в Батуме в Батуме. Батумская деятельность Дугашицкого в Батуме в Батуме в Батуме.

1) Читирозу по книге Л. Бернгардса курсу об истории революционных организаций. Ленинград, стр. 28. Революизмизм. 1941.

Молодежная

Музыка Б. ДУНАЕВСКОГО

Слова В. МАЛЫГИНА

В оригинале стихи без песни

СТО РА- *ты же ты нестрой жини по-тв* КАЖДАЯ НАС НАМЯ ЗНАЕТ А ТО ПЕРВЫЙ СЛАВЯЩИЙ НАМ БО- *го*
 ТАМ МЫ ВЕДИМ ДРУ ПЛАТЬЕ ИЛИ ПО-МОДНЫ *на* НА БИ ПО-СТУП-ВЕЖЕА НО, ПО- *го*
 ТЫ МЫ ВЕДИМ ДРУ ПЛАТЬЕ ИЛИ ПО-МОДНЫ *на* НА БИ ПО-СТУП-ВЕЖЕА НО, ПО- *го*
 ТАМ МЫ ВЕДИМ ДРУ ПЛАТЬЕ ИЛИ ПО-МОДНЫ *на* НА БИ ПО-СТУП-ВЕЖЕА НО, ПО- *го*
 ТАМ МЫ ВЕДИМ ДРУ ПЛАТЬЕ ИЛИ ПО-МОДНЫ *на* НА БИ ПО-СТУП-ВЕЖЕА НО, ПО- *го*
 ТАМ МЫ ВЕДИМ ДРУ ПЛАТЬЕ ИЛИ ПО-МОДНЫ *на* НА БИ ПО-СТУП-ВЕЖЕА НО, ПО- *го*
 ТАМ МЫ ВЕДИМ ДРУ ПЛАТЬЕ ИЛИ ПО-МОДНЫ *на* НА БИ ПО-СТУП-ВЕЖЕА НО, ПО- *го*

1.
 Велики нашей жизни просторы,
 Широка ильды жизни дуги,
 Каждый шаг ильды дуги,
 Это ильды шагов нам легче идти.
 С каждым шагом, где б ни жили
 Где б ни была любимая страна,
 На просторах любовной весны
 Намя восторг ильды
 Намя песни повсюду слышны!
 Молодежь и Родина
 Намя песни повсюду слышны!

3.
 Ты всегда впереди,
 Ты из верной ступи,
 Молодежь наша семья!
 Мы гордимся именем Отчизной
 Мы гордимся именем людей.
 Мы любим нашу Родину,
 Мы отечеству верны
 Мы отечеству верны
 Славым победим жизни своей.
 Припева.

2.
 Славься, Родина, молодость, славься!
 Тебе светят созвездья Кремля.

4.
 Каждая шаг уможаж наш поледи!
 И в труде, как в бое
 За Отечество своем за Рождани!
 Мы к победим идти за Рождани!
 Пусть нам будет великой наградою
 Намя радость и цветет,
 Пусть к победим идти
 Пусть к победим идти
 Намя страна!
 Припева.